

Тайари Джонс

СЕРЕБРЯНЫЙ ВОРОБЕЙ

КАК ЖИТЬ, КОГДА ЗНАЕШЬ СТРАШНЫЙ
СЕКРЕТ — И ЭТОТ СЕКРЕТ ТЫ САМ

Тайари Джонс
Серебряный воробей.
Лгут тем, кого любят
Серия «За закрытой дверью.
У каждой семьи свои тайны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68634298

Серебряный воробей. Лгут тем, кого любят:

ISBN 978-5-04-177831-6

Аннотация

Дана привыкла жить в тени своей единокровной сестры, которая даже не подозревает о ее существовании. У Шорисс всегда было то, о чем Дана могла только мечтать: полная семья, финансовая поддержка, и главное, – она не была постыдной частью тайны их отца. С самого детства Дана жила наполовину, завидуя сестре и ее идеальной жизни, пока случайная встреча не перевернула судьбы обеих девушек и не заставила взглянуть друг на друга по-новому.

Содержание

Отзывы о романе «Серебряный воробей»	4
Часть I	9
1	10
2	26
3	41
4	68
5	82
6	88
7	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Тайари Джонс Серебряный воробей. Лгут тем, кого любят

Отзывы о романе «Серебряный воробей»

«История любви... Полная ошеломительной мудрости, сердечной боли и робкой надежды».

Журнал Опры Уинфри «О»

«Джонс раскрывает читателю множество тайн: о подростках, о классовых различиях чернокожего населения Атланты, о том, как мужчины хранят секреты, а женщины их выдают, и о том, почему люди сохраняют отношения, даже если это идет вразрез с их интересами».

Газета Washington City Paper

«Третий роман Тайари Джонс, “Серебряный воробей”, дает нам карту для исследования неизведанных прежде эмоций. В этой книге взросление девочки омрачается зарождающейся догадкой о разрушительной тайне, которую скрыва-

ет отец».

Журнал Vogue

«Джонс не дает готовых ответов, и в этом секрет соуса, придающего остроту роману. Ее проза читается на одном дыхании, так что можно даже упустить самую суть истории. Автор проливает свет на жизнь ущемленной группы людей: детей, выросших в неофициальных семьях».

Gazeta The Denver Post

«Захватывающая книга от первой до последней страницы».

Gazeta Chicago Tribune

«Тайари Джонс выбрала в качестве места действия Атланту и благодаря глубокой наблюдательности дает читателю прочувствовать атмосферу этого города. Но это не все. Своими экскурсоводами по этой части страны Джонс сделала главных героинь: честных, травмированных и притягательных девушек, к чьим голосам невозможно не прислушаться... Вы не сможете отложить книгу, пока не прочитаете, как эти две девушки выяснят для себя, что такое семья».

Gazeta Los Angeles Times

«Изящная и блестящая книга о поиске истины».

Library Journal

«Новый роман Тайари Джонс доставляет колоссальное удовольствие. Тонко и искусно изучая силу навешенных обществом ярлыков, она пишет трогательную историю о том, на какие жертвы мы идем для создания семьи. В этой провокационной и вызывающей сочувствие истории нет победителей, есть только люди, прошедшие серьезное испытание».

Женский журнал MORE

«Изящный стиль и внимательное отношение к деталям всегда были характерны для творчества Джонс, но в этом романе она нашла собственный, пронзительный и уникальный голос, и в ее руках воробей внезапно превращается в певчую птицу, стрелой взмывающую ввысь».

Перл Клидж, писатель

«В этом захватывающем романе старой школы автор изучает классовые и гендерные проблемы, тему дружбы и глубокое влияние родителей на детей и верности – на любовь».

Журнал о культуре Pasatiempo

«Прекрасно написанный роман, настоящий прорыв в литературе».

Газета The Durango Herald

«Если бы эта книга могла говорить, ее голос был бы тихий, дрожащий, на грани слез... Она похожа на обеих рассказчиц,

Дану и Шорисс, каждая из которых считает себя обыкновенной и не заслуживающей особого внимания. Каждая завидует тем, кого в книге называют “серебряными”: блестящим, красивым, популярным в обществе людям. Каждая смотрит на свой мир спокойным и честным взглядом».

Журнал Paste

«У Джонс есть особый дар создавать образы и погружать читателя в самое сердце хаотичной и бурлящей жизни подростков».

Pescypc ForeWord Reviews

First published in the United States under the title: SILVER SPARROW: A Novel

Copyright © 2011 by Tayari Jones

«A Daughter is a Colony», on page vii, copyright © Natasha Trethewey

Published by arrangement with Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Co., Inc., New York (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Кикина И., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается моим родителям, Барбаре и Маку
Джонсу, которые, насколько мне известно, не
имеют других супругов*

Дочь – это колония

потомство, территория,
        вылитая копия,
явившаяся, как Афина,

        из головы отца:
яблочко от яблони,
        чадо и отродье,

тезка, гадательная кость, —
        верноподданная и предательница,
родная, иная,

        предмет и исследование,
история, полукровка,
        континент – темный и странный.

НАТАША ТРЕТЬЮИ

Часть I

Дана ленн ярборо

1

Секрет

Мой отец, Джеймс Уизерспун, – двоеженец. Он был женат уже десять лет, когда впервые впился взглядом в мою маму. В 1968 году она упаковывала подарки в оберточную бумагу в магазине «Дэвидсонс» в центре города. Отец попросил ее упаковать разделочный нож, купленный жене на годовщину свадьбы. Мама однажды сказала мне, что почувствовала: раз мужчина дарит женщине нож, в их отношениях наверняка что-то не так. Я ответила: «Может, это значит, что они друг другу полностью доверяют». Я люблю маму, но часто наши взгляды разнятся. Суть в том, что брак Джеймса никогда не был для нас тайной. Я называю отца по имени. Его другая дочь, Шорисс, которая выросла в его доме, даже сейчас использует слово «папочка».

Большинство людей, размышляя о двоеженстве (если они вообще об этом думают), воображают какие-нибудь примитивные обычаи, о которых читаешь на страницах журнала *National Geographic*. В Атланте, как многие помнят, раньше была секта, пропагандировавшая возвращение к африканским корням. Немало ее приверженцев держали пекарни в западной части города. Кто-то говорил, что это культ, а кто-то называл культурным течением. Как бы то ни было, каждому мужчине разрешалось иметь четырех жен. Пекар-

ни давно закрылись, но иногда этих женщин все еще можно увидеть: в ослепительно-белых одеждах они кротко идут, на шесть шагов отставая от общего мужа. Даже в баптистских церквях помощники держат наготове нюхательные соли на случай, если новоиспеченная вдова на похоронах столкнется с другой скорбящей вдовой и ее разновозрастными детьми. Сотрудники похоронных бюро и судьи знают: двоеженство встречается на каждом шагу, и это удел не только сектантов, коммивояжеров или красивых социопатов, которым доверились отчаявшиеся женщины.

Обидно, что для статуса моей мамы, Гвендолен, нет подходящего определения. Джеймс – двоеженец. Тут все очевидно. Лаверн – его жена. Она первой его нашла, а мама всегда уважала права женщины, первой застолбившей мужчину. Но можно ли и маму называть его женой? У нее есть официальные документы и даже единственный снимок-полароид, доказывающий, что они с Джеймсом Александром Уизерспуном-младшим зарегистрировали брак в присутствии судьи в городке у самой границы штата Алабама. Но если назвать маму его «женой», это не поможет по-настоящему объяснить всей сложности положения.

Я знаю, есть и другие слова, и, когда мама выпивает, злится или грустит, она применяет их к себе: любовница, шлюха, сожительница. Подобных вариантов много, и ни один не будет справедливым. А людей вроде меня, детей таких женщин, тоже можно назвать разными гадкими словами, но их

запрещено произносить в стенах нашего дома. «Ты его дочь. И точка». Если это когда-то и было правдой, то только на протяжении первых четырех месяцев моей жизни, до того, как родилась Шорисс, законная дочь. Мама выругалась бы, если бы слышала из моих уст слово «законная». Но произнеси я другое, которое засело в мозгу, она закрылась бы в спальне и разрыдалась. В моем понимании Шорисс – его *настоящая* дочь. Когда дело касается жен, во внимание берется лишь тот факт, какая из них первой окольцевала мужчину. С дочерьми ситуация немного сложнее.

Важно, как и что ты называешь. Мама использовала фразу «вести наблюдение». Если бы Джеймс знал, чем мы занимаемся, то сказал бы, что мы «шпионим», но это слишком негативно. Когда мы шли по пятам за Шорисс и Лаверн, следя, как беззаботно им живется, мы никому не причиняли вреда, кроме самих себя. Я всегда воображала, что в конце концов нас попросят объясниться, сказать что-то в свое оправдание. Тогда маму вызовут, и она будет говорить за нас обеих. У нее есть дар слова, и она умеет так представить сложные подробности, что в итоге история выходит гладкой, словно поверхность озера. Она – фокусница, которая может сделать так, что весь мир покажется головокружительной иллюзией. А правда – это монетка, и ее мама вытаскивает у тебя из-за уха. Возможно, детство у меня было не особенно радостным, но разве хоть у кого-то оно прошло идеально? Допустим, па-

па и мама женаты только друг на друге и счастливы в браке, – даже тогда ребенку выпадает своя доля несчастий. Такие люди много времени тратят, носясь со старыми обидами, раз за разом вспоминая о былых ссорах. Так что у меня есть кое-что общее со всеми остальными людьми.

Мама не испортила мне детство и не разрушила чужой брак. Она хороший человек и подготовила меня. Видите ли, в жизни главное – знать правду. Поэтому нас двоих не стоит жалеть. Да, мы страдали, но в самом главном всегда обладали несомненным преимуществом, особым преимуществом: я была в курсе существования Шорисс, а она ничего не знала обо мне. Моя мама знала о Лаверн, а Лаверн считала, что живет совершенно непримечательной жизнью. Мы никогда не забывали об этом простом и настолько важном факте.

Когда я впервые обнаружила, что, хотя в семье я единственный ребенок, мой отец – не только *мой*? Не могу точно сказать. Я знала это с тех пор, как поняла, что у меня вообще есть отец. Зато точно знаю одно: выяснить, что у тебя папа двойного назначения, – это необычное явление.

Мне было лет пять, и на занятиях по рисованию в школе учительница, мисс Расселл, попросила всех нарисовать семью. Другие ребята калякали восковыми мелками или карандашами с мягкими грифелями. А я взяла синюю шариковую ручку и нарисовала Джеймса, Шорисс и Лаверн. На заднем плане был Роли, лучший друг отца, единственный чело-

век из другой жизни Джеймса, с кем мы были знакомы. Я раскрасила его мелком, на котором было написано «телесный», потому что кожа у Роли очень светлая. Это было много лет назад, но я все помню. Еще добавила на шею жены ожерелье. Девочке – широкий улыбающийся рот, полный квадратных зубов. Возле левого края листа, в сторонке, изобразила себя и маму. Фломастером я создала маме длинные волосы и закрученные ресницы. А себе только большие глаза. Над всеми шестерыми подмигивало дружелюбное солнце.

Учительница подошла сзади.

– И кого же ты так красиво нарисовала?

Очарованная похвалой, я улыбнулась.

– Свою семью. Папу, его двух жен и двух дочек.

Слегка наклонив голову, учительница хмыкнула:

– Вот как.

Я об этом больше не задумывалась и наслаждалась тем, как она произнесла «красиво». Даже сейчас, когда кто-то говорит мне это слово, я чувствую себя любимой. В конце месяца я принесла все рисунки домой в картонной папке. Джеймс раскрыл бумажник, который всегда был туго набит двухдолларовыми банкнотами, чтобы вознаградить меня за работу на уроках. Я приберегла семейный портрет (свой шедевр) напоследок, ведь он же так красиво нарисован, и все такое.

Отец взял листок со стола и поднес близко к лицу, будто ища зашифрованное послание. Мама встала позади меня,

обняла, скрестив руки у меня на груди, наклонилась и поцеловала в макушку.

– Все нормально, – заверила она.

– Ты рассказала учительнице, кто на этой картинке? – спросил Джеймс.

Я медленно кивнула. Мне показалось, что лучше было соврать, хотя не совсем понятно почему.

– Джеймс, – сказала мама, – давай не будем делать из мухи слона. Она всего лишь ребенок.

– Гвен, – возразил отец, – это важно. И не надо так испуганно смотреть на меня. Я не собираюсь высечь ее за сараем.

Тут он хохотнул, но мама не поддержала.

– Она всего лишь нарисовала картинку. Все дети рисуют.

– Выйди в кухню, Гвен, – попросил Джеймс. – Дай мне поговорить с дочерью.

Мама запротестовала:

– Почему мне нельзя остаться здесь? Она ведь и моя дочь.

– Ты и так постоянно с ней, тем более твердишь, что мы мало общаемся. Вот теперь дай нам поговорить.

Мама поколебалась, потом разомкнула объятия.

– Она всего лишь ребенок, Джеймс. И пока не знает всех тонкостей.

– Не волнуйся, – ответил он.

Мама вышла из комнаты и, скорее всего, подозревала, что отец может произнести слова, которые ранят меня и на всю жизнь подрежут крылья. Я видела это по ее лицу. Когда она

расстраивалась, то двигала челюстью, будто жуя невидимую жвачку. По ночам я слышала, как она скрипит зубами во сне в спальне. Звук напоминал скрежетание гравия под колесами машины.

– Дана, иди сюда.

На Джеймсе была темно-синяя форма водителя. Фуражку он, наверное, оставил в машине, но я заметила на лбу вмятину от резинки.

– Пойди поближе.

Я поколебалась, глядя на дверной проем, за которым скрылась мама.

– Дана, – произнес Джеймс, – ты ведь не боишься меня, правда? Ведь ты не боишься своего папу?

Голос звучал печально, но я расценила слова как вызов.

– Нет, сэр, – ответила я, отважно сделав шаг вперед.

– Не называй меня «сэр», Дана. Я тебе не начальник. Когда ты так говоришь, мне кажется, будто я надсмотрщик.

Я пожала плечами. Мама сказала, что нужно всегда называть отца «сэр». Неожиданно Джеймс потянулся ко мне и усадил к себе на колени. Когда он говорил, мы оба смотрели вперед, так что я не видела выражения его лица.

– Дана, я не могу позволить тебе рисовать картинки вроде той, что ты принесла из школы. Так не пойдет. То, что происходит в этом доме между мной и твоей мамой, – это взрослые дела. Я люблю тебя. Ты моя малышка, я тебя люблю, и я люблю твою маму. Но то, что мы делаем в этом доме, – это

секрет, понятно?

– Дом я вообще не рисовала.

Джеймс вздохнул и немного покачал меня на коленях.

– То, что происходит в моей жизни, в моем мире, тебя никак не касается. Нельзя говорить учительнице, что у папы есть другая жена. Нельзя говорить учительнице, что меня зовут Джеймс Уизерспун. Атланта – это маленький городок, здесь все друг друга знают.

– Твоя другая жена и другая дочка – это секрет? – спросила я.

Он опустил меня на пол, продолжая сидеть на корточках, чтобы быть вровень со мной.

– Нет. Все наоборот. Это ты секрет, Дана.

Тут Джеймс погладил меня по голове и слегка дернул за одну из косичек. Подмигнув, достал бумажник и отделил от пачки три двухдолларовые банкноты. Потом протянул и вложил в мою ладонь.

– Может, уберешь деньги в карман?

– Да, сэр.

И в кои-то веки он не велел мне не называть его так.

Отец взял меня за руку и повел по коридору на кухню, ужинать. Пока мы шли, я зажмурилась, потому что мне не нравились обои в коридоре – бежевые с бордовым узором. Когда они начали отклеиваться по краям, мама посчитала, будто это я их отрываю. Я раз за разом говорила, что не виновата, но мама рассказала Джеймсу, когда тот пришел к нам

(он приезжал раз в неделю). Отец вытащил ремень и лупанул меня по ногам и по попе, что, похоже, удовлетворило какую-то душевную потребность мамы.

На кухне она молча расставляла миски и тарелки на стеклянном столе, нарядившись в любимый фартук, который Джеймс привез в подарок из Нового Орлеана. Там был изображен рак, держащий кухонную лопатку, а ниже подпись: «Не зли меня, а то подсыплю яду в твой обед!» Отец занял свое место во главе стола и салфеткой стер с вилки пятна от воды.

– Я ее пальцем не тронул. Даже голос не повысил. Правда ведь?

– Да, сэр.

И это была чистая правда, но я чувствовала себя совершенно не так, как несколько минут назад, когда вытащила из папки рисунок. Моя кожа не болела, но что-то чуждое просочилось сквозь каждую пору и прикрепилось к тому хрупкому, что было внутри. *«Это ты секрет»*. Отец произнес слова с улыбкой, тронул подушечкой пальца кончик моего носа. Мама подошла, взяла меня под мышки и посадила на стул, на котором расположилась стопка телефонных справочников. Потом поцеловала меня в щеку и поставила передо мной тарелку с котлетами из лосося, ложкой стручковой фасоли и кукурузой.

– Все нормально?

Я кивнула.

Когда Джеймс съел свою порцию рыбы и полил медом булочку, мама сказала, что десерта не будет. Он выпил большой стакан колы.

– Не наедайся, – предостерегла она, – совсем скоро тебе придется съесть второй ужин.

– Я всегда рад есть то, что ты готовишь, Гвен. И всегда рад сидеть у тебя за столом.

* * *

Не знаю, с чего я взяла, будто все из-за того, что у меня выпали зубы. Однако придумала хитрость: решила подложить сложенную бумажку за верхними зубами, чтобы скрыть розовый провал посреди улыбки. Вообще-то идею подал сам Джеймс: он как-то рассказывал, что в детстве подкладывал картон в ботинки, чтобы закрыть дыры в подошвах. Бумага во рту размокла, голубая линовка расплылась из-за слюны.

Мама застала меня, когда я пыталась пристроить бумажку в рот. Она зашла в комнату и легла на односпальную кровать, накрытую фиолетовым клетчатым покрывалом. Ей нравилось вот так лежать на моей кровати, пока я возилась с игрушками или раскрашивала рисунки в тетрадках, и смотреть на меня, словно я телешоу. От нее всегда приятно пахло цветочными духами, а иногда сигаретами отца.

– Что ты делаешь, Петуния?

– Не называй меня Петунией, – возмутилась я, отчасти

потому, что мне не нравилось это имя, а отчасти чтобы проверить, смогу ли разговаривать с бумажкой вместо зуба. — Петунья — это кличка хрюшки.

— Петунья — это цветок, — заметила мама. — И притом красивый.

— Так зовут подружку поросенка Порки.

— Это же просто шутка: красивое имя для хрюшки, понимаешь?

— Шутка должна быть смешной.

— Это смешно. Просто у тебя плохое настроение. Что ты делаешь с этой бумажкой?

— Вставляю себе зубы, — заявила я, пытаюсь передвинуть размокший комок.

— И зачем?

Я рассматривала свое и мамино отражения в узком зеркальце, прикрепленном к крышке моего комода. Ответ на мамин вопрос казался очевидным. Ну конечно, Джеймс хочет, чтобы обо мне никто не знал. Кто будет любить девочку с огромной розовой дырой посреди рта? Ни у кого из ребят в читательском клубе нашей школы не было такой. Уж мама-то должна это понимать. Она каждый вечер по полчаса внимательно рассматривала свою кожу в зеркале с увеличением и обильно мазалась жирными кремами «Мэри Кей». Когда я спросила, что она делает, мама сказала: «Улучшаю внешность. Женам еще позволительно себя запустить. А наложницы должны быть бдительны».

Вспоминая этот эпизод сейчас, мне понятно, что она наверняка в тот вечер пила. Хотя сейчас не могу восстановить все предельно точно, но знаю, что где-то за кадром стоял ее бокал вина «Асти Спуманте», золотистого и полного деловитых пузырьков.

– Я улучшаю внешность.

Я надеялась, что она улыбнется.

– У тебя прекрасная внешность, Дана. Тебе пять лет, у тебя замечательная кожа, сияющие глаза и красивые волосы.

– Но нет зубов, – буркнула я.

– Ты еще маленькая. Тебе не нужны зубы.

– Нет, – тихо возразила я. – Нужны.

– Зачем? Грызть вареную кукурузу? Зубы вырастут. Ты еще гору початков успеешь обглодать, честное слово.

– Я хочу быть как та, другая девочка, – призналась я наконец.

Мама лежала на кровати, как богиня на шезлонге, но после моих слов резко подскочила.

– Какая другая девочка?

– Другая дочка Джеймса.

– Можешь называть ее по имени, – произнесла мама.

Я покачала головой.

– Не могу.

– Можешь. Просто скажи и все. Ее зовут Шорисс.

– Не надо! – воскликнула я, испугавшись, что, если называть сестру по имени, работает какое-нибудь ужасное кол-

довство – словно произнести: «Кровавая Мэри» и посмотреть в миску с водой, от чего жидкость станет густой и красной.

Мама поднялась с кровати и опустилась передо мной на колени, чтобы посмотреть прямо в глаза. Потом положила ладони мне на плечи. В ее тяжелых ниспадающих волосах все еще оставался запах сигаретного дыма. Я коснулась их.

– Ее зовут Шорисс, – повторила мама. – Она маленькая девочка, совсем как ты.

– Пожалуйста, не называй больше ее имени, – упрашивала я. – А то случится что-нибудь страшное.

Мама прижала меня к груди.

– Что сказал тебе папа на днях? Расскажи мне.

– Ничего, – прошептала я.

– Дана, ты не можешь мне врать, понятно? Я тебе все рассказываю, и ты мне все рассказывай. Только так мы сможем со всем справиться, детка. Нужно передавать друг другу все, что знаем.

Она слегка меня встряхнула: не слишком сильно, чтобы не напугать, но достаточно, чтобы привлечь внимание.

– Он сказал, что я – это секрет.

Мама притянула меня к себе и крепко обняла, скрестив руки прямо за спиной. Ее волосы окутали меня, как волшебный занавес. Никогда не забуду запаха ее объятий.

– Вот говнюк, – не сдержалась она. – Я люблю его, но, возможно, когда-нибудь придется его убить.

На следующее утро мама велела мне надеть зелено-желтое платье, которое я надевала для школьной фотографии полтора месяца назад, до того, как выпали зубы. Потом заплела мне волосы и стянула их гладкими резинками, обула жесткие лакированные туфли. Мы сели в старый «Бьюик» моей крестной: мама одолжила его на день.

– Куда мы едем?

Она свернула с Гордон-роуд.

– Хочу тебе кое-что показать.

Я ощупывала языком гладкую пустоту там, где были красивые зубы, и ждала, что мама еще что-нибудь скажет. Но она больше ничего не уточнила на тему, куда мы едем, вместо этого попросила перечислить слова на «-очка», которые нам задали учить.

– Б-о-ч-к-а получается бочка, д-о-ч-к-а получается дочка.

Я назвала все до «т-о-ч-к-а получается точка». К тому времени мы подъехали к маленькой розовой школе в обрамлении зелени. Дальше по улице расположился парк Джона Уайта. Мы долго сидели в машине, пока я рассказывала домашнее задание. Мне нравилось так перед ней выступать. Я посчитала от одного до ста, а потом спела Frère Jacques ¹.

Когда компания ребят высыпала во двор маленькой школы, она подняла палец, прервав мое пение.

– Открой окно и выгляни наружу, – велела мама. – Видишь пухлую девочку в синих джинсах и красной блузке?

---

¹ «Братец Яков» – французская народная песня XVIII века.

Это Шорисс.

Я нашла девочку среди других детей, выстроившихся в ряд. Тогда Шорисс была совершенно обыкновенной: волосы завязаны в два маленьких пушистых хвостика спереди, а более короткие пряди сзади заплетены в несколько тугих косичек.

– Посмотри, – сказала мама. – У нее волос-то почти нет. Когда она вырастет, станет толстой, как мама. И наверняка не знает слов на «-очка» и не может спеть песню на французском.

Я проворчала:

– У нее все зубы на месте.

– Это пока. Ей тоже пять лет, так что они, наверное, уже шатаются. Но кое-чего ты не можешь заметить. Она родилась раньше срока, так что у нее проблемы со здоровьем. Врач вставлял ей пластиковые трубки в уши, чтобы туда не попала инфекция.

– Но Джеймс любит ее. Она не секрет.

– Джеймс дал обещание ее маме, и это моя проблема, а не твоя, понятно? Джеймс любит тебя так же сильно, как Шорисс. Будь у него побольше ума, любил бы тебя сильнее. Ты умнее, воспитаннее и у тебя волосы гуще. Но получилось так, что он вас любит одинаково, и этого достаточно.

Я кивнула. По телу разливалось облегчение. Все мышцы расслабились. Даже стопы в лакированных туфельках обмякли.

– Я секрет? – спросила я.

– Нет, – ответила она, – просто о тебе никто не знает. Та девочка даже не подозревает, что у нее есть сестра. А ты знаешь все.

– Все знает Бог, – вставила я. – Он держит весь мир в Своих ладонях.

– Это так, – сказала мама. – И мы тоже.

Такая подкрадывающаяся любовь

Это не была любовь с первого взгляда, по крайней мере, для мамы. Встретив отца, она не почувствовала всплеска гормонов или изменения в сердечном ритме и всем теле. Не поймите меня неправильно: конечно, это была настоящая любовь, но только не похожая на разряд молнии. Любовь как молния была у мамы в первом браке, который продлился всего девятнадцать месяцев. С моим отцом была подкрадывающаяся, которая просачивается незаметно: не успеешь опомниться, и вы уже семья. Она говорит, что любовь как у них возникает на божественном уровне, поэтому на нее не распространяются законы штата Джорджия.

Такое поневоле будешь уважать.

Работу упаковщицей подарков нельзя назвать профессией мечты, но мама никогда не думала о профессиях. Она хотела выйти замуж, и ее краткое знакомство с браком принесло только разочарование. Найти новую мечту было не так-то просто: мама не знала, с чего начать.

В детстве она по большей части тщетно мечтала, что ее мама вернется. Флора, моя бабушка, сбежала, когда девочке было всего три месяца. Шесть дней Флора оборачивала грудь капустными листьями, чтобы молоко ушло, а потом в одно

воскресенье перед церковью просто взяла и исчезла. Ушла в чем была. С собой взяла только деньги, которые выиграла в лотерею. «Ни записки, ничего. Просто ушла». Эту историю мама рассказывала особым тоном, и я жалела, что меня не называли в честь бабушки-дикарки. Вместо этого я получила имя Дана Ленн, как тонкая отсылка к имени мамы, Гвендолен.

К тому моменту, как Джеймс увидел ее в магазине «Дэвидсонс», она лишилась и отца. Дедушка отрекся от дочери из-за того, что та ушла от мужа, Клэренса Ярборо. Дедушка работал на Ярборо-старшего и из-за такого скандала мог легко потерять работу, но отречение произошло не только поэтому. Мамин поступок доказывал, что она ничем не лучше бабушки, Флоры. Мама говорит: оглядываясь назад, она видит, что бросила Клэренса без достаточно веских оснований, но и замуж за него выходила без особых на то причин. И признается, что сделала это, потому что он был симпатичный и богатый (младший сын в семье красивых владельцев похоронного бюро) и потому что пригласил ее на танец на выпускном после восьмого класса. Через пять лет она стала его женой. Через семь – развелась, переехала в общежитие и полюбила женатого мужчину. Через восемь родилась я.

Родители познакомились спустя месяц после смерти доктора Мартина Лютера Кинга-младшего. Тогда все было подернуто серостью. Его гроб выставили для церемонии прощания возле колледжа Спелмана. Мама хотела туда попасть,

но очередь была настолько огромная, что она подумала о бессмысленности такого долгого стояния, поэтому ушла. Вернувшись за стойку упаковщицы, мама чувствовала, будто ее обманули: Кинга убили, прежде чем ее жизнь успела установиться и до того, как она успела проникнуться величием этого человека. Но кого можно в этом упрекнуть, кроме себя самой? Мама ощущала нечто вроде вины, потому что ей досталась такая хорошая должность – первая цветная девушка, которую наняли упаковщицей в этом магазине. Да и годом ранее, работая в магазине дамских шляпок, разве она не надела очаровательную плоскую шляпку без полей на голову цветной покупательницы? Так что мама прекрасно понимала, насколько изменилась ситуация в смысле расового равенства, и была благодарна, – видит бог, – она была благодарна за новые возможности. И все же не успела за них побороться, а теперь Кинга убили. Ее стыд было бы сложно объяснить, даже если бы было кому объяснять. Ее отец с ней не разговаривал, бывший муж собирался снова жениться – а ведь даже года не прошло с тех пор, как мама переехала в общежитие на Эшби-стрит. Она работала каждый день. У нее было три красивых платья, которые она купила в счет небольшого аванса и с учетом скидки для сотрудников, и в них мама выглядела очень привлекательно.

Джеймс подошел к стойке в тот день, когда ее охватило особенно сильное сожаление – не из-за того, что зря бросила мужа, а из-за того, что вообще вышла за него.

– Могу я вам помочь, сэр? – спросила она.

Джеймс был в униформе водителя, а фуражку зажал под мышкой, словно офицер. Мама назвала его сэром, потому что так требовалось обращаться ко всем покупателям-мужчинам, а она изо всех сил старалась, чтобы в «Дэвидсонс» все цветные покупатели слышали это уважительное слово. Ведь именно ради этого погиб доктор Кинг, правда?

Мама была красива и знала это. Не настолько, как актрисы Дороти Дэндридж ² или Лина Хорн ³, но достаточно, чтобы ее замечали. Лицо, как она считала, было типично африканское, кожа среднего тона, который все называли не иначе как «коричневый». По мнению мамы, самой привлекательной ее чертой были ресницы. Она ими жестикулировала, как другие люди общаются жестами рук. Окружающие сказали бы, что самое красивое в ее внешности – роскошная копна волос, густых и длинных, ниже лопаток. Больше ничего полезного от матери ей не досталось. Уилли-Мэй, девушка, которая жила в соседней комнате в общежитии, неплохо зарабатывала на том, что каждые две недели выпрямляла их расческой с подогревом и подкручивала с помощью щипцов. В тот период маме нравилось считать себя честной, поэтому всем, кто спрашивал, поясняла, что такие локоны у нее не от природы.

---

² Дороти Дэндридж – американская актриса и певица, ставшая первой афроамериканкой, номинированной на «Оскар» за лучшую женскую роль (*прим. ред.*).

³ Лина Мэри Калхун Хорн – американская певица, танцовщица и актриса (*прим. ред.*).

Когда Джеймс положил электрический разделочный нож на прилавок и подтолкнул к ней, мама заметила блеснувшее у него на пальце обручальное кольцо и подумала об Уилли-Мэй, которая без зазрения совести встречалась с женатыми мужчинами, если те клялись, что несчастливы в браке. Мама спросила отца, в какую бумагу завернуть нож, и решила, что этот мужчина не подошел бы Уилли-Мэй: подруга западала на красавчиков, светлокожих, со светлыми глазами и волнистыми волосами.

– Ты бы по уши втрескалась в моего бывшего мужа, – однажды сказала Гвен, пока Уилли-Мэй проводила по ее волосам расческой с подогревом, на зубчиках которой шипел жир.

– А он еще свободен?

Мама хихикнула и затаилась сигаретой, поймав облако дыма влажным полотенцем.

– Он был свободен все время, пока мы были женаты.

– Девочка моя, – произнесла Уилли-Мэй, – я не хочу учить тебя жить, но ты, наверное, очень гордая леди, если ушла от хорошего мужчины из-за небольшого кобеляжа.

– Дело не только в этом, – возразила мама. – И какая из меня леди? Спроси у моего папаши. Его послушать, я перестала быть леди в тот день, когда ушла от мужа.

– По крайней мере, у тебя был муж, – заметила Уилли-Мэй.

Мужчина, протянувший разделочный нож, сказал:

– Можете подобрать какую-нибудь бумагу для годовщины?

Мама уточнила:

– Годовщины свадьбы?

– Да, мэм, – ответил он.

Она улыбнулась этому «мэм».

– А для кого подарок?

– Для жены.

Мама рассмеялась и тут же пожалела об этом. Собеседник смутился, а позади него в очереди стояло несколько белых покупателей.

– Ч-что-то не так?

– Прошу прощения, сэр, – сказала она, действительно чувствуя неловкость. – Просто большинство мужчин выбирает для жен более романтические подарки. Например, духи.

Тот взглянул на разделочный нож.

– Это х-хороший подарок. Стоит двадцать три доллара.

– Да, сэр, – согласилась мама. – Позвольте, я его заверну. Нам как раз недавно поступила симпатичная бумага с цветочным узором.

– Погодите, – мужчина забрал нож. – Я п-передумал.

И направился к эскалатору, все еще держа фуражку под мышкой.

Следующей в очереди была белая покупательница, которая хотела упаковать детскую пижамку для беременной сест-

ры.

– Одно слово: мужчины, – сказала покупательница. – Кто их разберет, как у них мозг работает?

Мама поняла, что имеет в виду эта дама, но не смогла вместе с ней посмеяться над черным мужчиной, даже если шутка относилась всего лишь к его полу.

Джеймс вернулся часа через два. Магазин уже закрывался, и мама приводила в порядок свою стойку: выбрасывала обрезки бечевки, расставляла держатели для клейкой ленты, пересчитывала коробки для рубашек. Мужчина снова подал ей разделочный нож.

– Это хороший нож, – сказала она, отрывая треугольник цветочной бумаги от рулона. – Я не хотела вас обидеть.

Тот ничего не ответил, но, расправляя уголки и скручивая клейкую ленту в колечко, чтобы приклеить и верхний, и нижний слой бумаги, мама заметила, как надулась шея покупателя.

Она протянула коробочку с великолепным двойным бантом, подумав: «А я не перестаралась?» И представила, как жена развязывает ленточки, воображая, что подарок такой же роскошный, как обертка... Но потом решила, что это не ее проблемы.

– И вот это, – с силой выдохнул мужчина, подавая баночку с твердыми духами.

– Вашей жене понравятся, – заверила мама. – Она с удовольствием будет вынимать эту баночку из сумки так, чтобы

все подружки рассмотрели.

Маме показалось, что она слишком много болтает, но этот странный мужчина молча таращился на нее, и кто-то должен был говорить. Она обернула баночку в дерзкую красную бумагу и перевязала простой золотой лентой.

– Поглядите-ка. Получилось похоже на попку.

Мама подвинула подарок покупателю, но тот отпихнул его обратно:

– Э-э-э-т-то... – Он оборвал себя и попытался сказать снова. – Д-д-д...

Потом замолчал.

– Что-то не так? Вы хотите оба подарка упаковать в одинаковую бумагу?

Плечо покупателя судорожно дернулось, и он выпалил:

– Это для вас.

Мама посмотрела на свою левую руку: на безымянном пальце все еще было обручальное кольцо, хотя они с Клэрэнсом разошлись год назад и он был помолвлен с другой. Мама носила кольцо, чтобы показать наличие определенных убеждений.

Каждую неделю она читала журнал «Лайф», так что знала: вся страна помешана на свободной любви и не утруждается мыть голову, однако ей не по душе была молодежь, которая за собой не следит. Она скорее ассоциировала себя с активистками Розой Паркс ⁴ или Эллой Бейкер ⁵, величественны-

---

⁴ Роза Луиза Паркс – американская общественная деятельница, политическая

ми и порядочными, похожими на нитку жемчуга.

– Пожалуйста, возьмите, – попросил мужчина, снова подталкивая подарок в красной обертке.

И она приняла его, не только потому, что это был прекрасный подарок (мама не раз посматривала на золотистую баночку на полке магазина, украдкой приоткрывала крышку, проводила пальцем по поверхности духов и наносила на виски). Мама рассказывала, что оценила его усилия: чтобы подарить этот парфюм, мужчина поборол заикание.

– Спасибо, сэр.

– Не называйте меня «сэр». Меня зовут Джеймс Уизерспун. Не надо меня бояться. Я просто захотел вам что-нибудь подарить.

Всю следующую неделю мама в глубине души ожидала, что Джеймс Уизерспун вот-вот поднимется в ее отдел на эскалаторе. Уилли-Мэй заметила, что мужики ничего не делают просто так, и мама была согласна. Эта баночка духов стоила дороже, чем разделочный нож. Если мужчина потратил на нее больше, чем на жену, он точно придет снова.

– Есть такие, которые вернутся, если раскошелились для тебя на какое-нибудь занюханное мятное суфле в шоколаде. Деньги нужны, чтобы купить подружку, и мужики это знают.
(Милая Уилли-Мэй, которую я всегда звала тетей, была

активистка и одна из основательниц движения за права чернокожих граждан США.

⁵ Элла Джозефина Бейкер – американский общественный деятель и активистка движения за права чернокожих граждан США.

свидетельницей на незаконной свадьбе родителей через четыре месяца после моего рождения, стала моей крестной и в детстве всегда была ко мне добра. Она погибла вскоре после того, как с нами произошла вся эта история: ее застрелил собственный парень, красавчик по имени Уильям. Я по ней очень тоскую.)

Но мама не считала, что Джеймс Уизерспун пытался ее купить. Почему-то казалось, что она ему просто понравилась. Это так приятно – кому-то просто нравится. И нет ничего плохого в том, что мужчина женат. Ничего нет плохого и в том, что он тоже тебе нравится, если не делаешь никаких шагов навстречу.

Прошел месяц, а Джеймс не появлялся, и мама начала жалеть, что не проявила больше дружелюбия, когда он подарил духи в обертке в форме попы, в цветах французского борделя. Жалела, что так долго смотрела на его обручальное кольцо – полоску золота с гравировкой в виде виноградной лозы. Мама чувствовала себя глупо, что до сих пор носила свое (простое колечко: камень бывший муж забрал, потому что тот принадлежал его матери, и Гвен не могла рассчитывать, что камень останется у нее). А теперь мама задумалась, зачем так долго его носила.

И еще задумалась, почему у нее не получалось интересоваться тем, что происходит в мире. Война во Вьетнаме была в самом разгаре. Мама знала нескольких парней, которые там погибли, да и к тому же доктор Кинг лежал в могиле.

Уилли-Мэй находилась в Бирмингеме, когда полиция натравила немецких овчарок на чернокожих во время мирной акции протеста (хотя саму крестную собаки не покусали). А где была мама во время всех этих событий? Изю всех сил пыталась научиться быть женой.

В конце лета, через три месяца после того, как Джеймс вышел из магазина, мама была на работе, за той же стойкой. И вот он наконец вернулся.

– Я зашел узнать, как дела.

– Да?

Маме было стыдно, что она чувствует благодарность за такой незначительный жест.

– Хотите выпить со мной кофе?

Она кивнула.

– Я ж-ж-женат, – предупредил он. – Я ж-ж-женат. И приглашаю вас на к-кофе, ничего больше. Это длинная история. Вся моя жизнь – это длинная история.

– Моя тоже.

Они договорились, что Джеймс зайдет за ней после работы. Мама пригладила волосы на висках: те начали завиваться от пота. Пора было обратиться к Уилли-Мэй, а пока она завязывала ставшие сальными волосы в низкий пучок и весь вечер повторяла Джеймсу: «Извините, что я не успела привести в порядок волосы». А тот весь вечер уверял, что она выглядит хорошо. Маме нравилось, что он говорил «хоро-

шо» и не делал вид, будто она сегодня прекрасна. Ей нравилась правда, и в правде не было ничего обидного. Она выглядела хорошо, и этого было достаточно.

Мама стояла на обочине Пичтри-стрит, где сходились пять дорог, возле пластикового навеса, где обычно ждала автобуса. Уилли-Мэй, которая работала машинисткой в страховой компании, наверняка уже сидела в автобусе позади водителя, потому что была из Алабамы и весь год добиралась до работы на общественном транспорте для поддержки Розы Паркс ⁶.

Когда рядом у обочины остановился лимузин, мама сначала не поняла, что приехали за ней. Она смотрела поверх крыши двухдверного «Кадиллака», разыскивая взглядом Джеймса. Мама подумала, что, наверное, не надо переходить на другую сторону: так ее проще будет заметить. Она посмотрела на часы, и как раз в этот момент Джеймс открыл водительскую дверь, вышел из машины и коснулся фуражки кончиками пальцев.

– Ой, – удивилась мама, – это вы, – и рассмеялась. – Я и подумать не могла...

Тут он открыл перед ней заднюю дверь.

---

⁶ Роза Луиза Паркс (1913–2005 гг.) – стала известна в 1955 г.: во время автобусной поездки она отказалась по требованию водителя уступить свое место белому пассажиру в секции автобуса для цветных. Женщину арестовали, что привело к бойкоту автобусных линий г. Монтгомери. Возглавлял бойкот Мартин Лютер Кинг, который впоследствии стал лидером движения за гражданские права чернокожих (*прим. пер.*).

Джеймс улыбнулся, но ничего не сказал. Мама коснулась своих невымытых волос, пригладив непослушные кучеряшки, и посмотрела на дорогу, не идет ли ее автобус с Уилли-Мэй на переднем сиденье, но по улице ехали только «Студебекеры», «Паккарды» и автобусы других маршрутов. Она грациозно шагнула к открытой двери машины. Внутри все казалось бархатным, обивка была теплого бежевого цвета, как арахисовое масло. Мама аккуратно опустилась на сиденье и расправила юбку на бедрах.

– Спасибо.

– Мадам, – отозвался Джеймс.

Потом сел на водительское кресло, и машина тронулась с места.

Мама рассматривала его затылок, линию волос, выровненную в кресле парикмахера. В динамиках потрескивала классическая музыка. Энергичное пикиканье скрипок пробуждало тревогу.

– Хотите поехать в «Паскаль»? – спросил Джеймс.

– Нет, – ответила она. – Я не могу. Если вы не против, я не хотела бы.

– Дело ваше, – сказал водитель.

В автомобиле висел сильный запах твердых духов, которые подарил Джеймс, но если он и узнал парфюм, то не подал виду.

– Расскажите о себе.

– Не знаю, – смешалась мама. – Не знаю, что и говорить.

– Все, что хотите.

Странно, но, общаясь с его затылком, она перестала беспокоиться. Представилось, что так, наверное, люди изливают душу священнику. Уилли-Мэй каждую неделю ходила на исповедь. Маму тянуло пойти с подружкой, но не хотелось притворяться католичкой. Она не любила лгать.

– Я родилась здесь, в Атланте. Была замужем, но сейчас в разводе.

Джеймс ничего не ответил, поэтому пассажирка продолжала:

– Мне двадцать лет. Я вам представилась? Меня зовут Гвендолен, для друзей просто Гвен. Даже и не знаю, что еще сказать. Я росла без матери и не участвовала в марше доктора Кинга на Вашингтон. Собиралась сходить к колледжу Спелмана попрощаться с его телом, но очередь была ужасно длинная, и пришлось пойти на работу. Живу в общежитии, потому что денег у меня немного.

Джеймс вел машину молча, мама тоже больше ничего не говорила. Ей хотелось выйти из лимузина. Вот чем хорош разговор со священником: ты сказал все, что хотел, и можешь уходить. Но мама оказалась запертой в этом «Кадиллаке», ее начинало подташнивать от запаха собственных духов.

– Думаю, мне пора идти.

Не оборачиваясь, Джеймс напомнил:

– Н-но мы еще не выпили кофе.

– Мне нехорошо.

– Я женат, и это факт, – проговорил он. – Я не прошу вас делать ничего, что было бы вам неприятно. Я просто хочу выпить с вами кофе. Я никогда р-р-раньше не п-п-приглашал девушку выпить кофе или поужинать.

– Не считая жены, – вставила мама и тут же пожалела о нотке сарказма, прозвучавшей в голосе. – Но это не мое дело. Извините.

– Д-д-даже жену не приглашал, – признался он с такой печалью, что казалось, ее можно было потрогать. – Это длинная история.

– Вся моя жизнь – это длинная история, – произнесла мама.

– Моя тоже, – поддержал отец.

И оба хихикнули, ведь разговор повторился. Она представила беседу в виде круга, детского мячика, даже целого мира.

Так все и началось. С чашки кофе и пересказа их длинных историй. Любовь может нарастать постепенно. Как и сложности. Иногда с чашки кофе начинается день, а иногда – новая жизнь. Так познакомились два человека, которым еще до рождения, до того, как они приняли решения, усложнившие их жизнь, было предначертано полюбить друг друга. Любовь прикатилась к маме, словно она стояла у подножия крутого холма. Она была не способна изменить ход событий и могла только отдать свое сердце.

Заметки о раннем развитии

Хотя папа был низковат и носил очки толщиной с кусок пшеничного хлеба, в нем присутствовала какая-то порядочность, которая заставляла людей его уважать. Даже после всего, что случилось, он сумел сберечь ее. Самоуважение по большей части основывалось на том, что о нем, как о местном предпринимателе, один раз написали в газете «Атланта Джорнел» и дважды в газете «Дэйли Уолд». У компании «Седаны Уизерспуна» был небольшой автопарк. Всего три машины и двое водителей: сам Джеймс и его названный брат и лучший друг, Роли Аррингтон. Я, наверное, могу по пальцам пересчитать случаи, когда видела отца в обычной одежде, а не в форме водителя. Но в этом не было ничего постыдного. В конце концов, он сам себе начальник. Если, работая на белых людей, приходится носить парадный костюм темно-синего цвета и фуражку, — это маскарад. Ты ничем не лучше обезьяны, наряженной в красную жилетку с золотым позументом. Но если ты сам основал компанию и выбрал эту форму из каталога, точно подобрал размер, чтобы не пришлось ее подшивать или расставлять, — тогда это совсем другое дело.

И вовсе не совпадение, что в тот судьбоносный день в магазине «Дэвидсонс», когда они с мамой познакомились, отец

тоже был одет в форму. Удивительно: он практически слился с ней. Одежда придавала ему уверенности, а когда Джеймс был уверен в себе, то меньше заикался. А когда меньше заикался, люди почти не замечали толстых очков на его лице. И он казался выше.

Джеймс был добродушным человеком, умел контролировать эмоции. «Главное в жизни, – сказал он мне однажды, – избегать взлетов и падений. Вершины и низины портят человека». Отец любил делать вид, будто его невозмутимость проистекала из некой склонности к философии, но я-то знала: на самом деле он выбрал такую манеру поведения, потому что из-за любых сильных эмоций начинал заикаться и психовать. Все, кто хоть раз видел, как Джеймса охватывает заикание, понимали, насколько сильно оно его мучит. Лицо и шея надувались, будто слова застряли где-то по пути наружу, болезненные и смертельно опасные, как серповидные клетки. И наконец, с нервным тиком, спазмом или рывком, фраза вылетала на свободу полностью.

* * *

Мои родители никогда по-настоящему не ссорились. В крайнем случае у них бывал, по выражению мамы, «серьезный разговор». Между ними редко возникали разногласия из-за склонности Джеймса искать компромисс, к тому же на споры просто не было времени. Отец ужинал у нас дома все-

го раз в неделю, а на ночь оставался раз или два в год. Когда мы принимали его у себя, усаживали за наш стол, то относились к нему как к гостю – каковым он, по сути, и являлся. За ужином пили колу, молились перед тем, как начать есть, будто в воскресенье, даже позволяли ему курить в гостиной. Моей задачей было подавать отцу чистые стеклянные пепельницы. Джеймс сказал, что его жена, Лаверн, даже в дождь заставляла его выходить с сигаретами на крыльцо.

Большинство детей, наверное, вспоминают ссоры родителей с ощущением, словно в желудке камень. В седьмом классе я прочитала роман «Это не конец света» о разводе. Книгу в коричневом пакете без рисунка молча дала мне учительница после того, как мама ей объяснила, что они с отцом не живут вместе, но не теряют надежды на примирение: эта идеальная ложь объясняла его непостоянное присутствие в нашей жизни. Книга была о девочке, которая разрывается из-за ссор родителей. Я поблагодарила учительницу за подарок, но мои чувства были полностью противоположны тому, что травмировало героиню книги Джуди Блум ⁷. Если родители и ссорились, то только из-за меня. Во время коротких перепалок я была в центре внимания.

Мама никогда не отстаивала личные интересы. Их разговоры были всегда «насчет Даны Ленн». Отец, прежде чем от-

---

⁷ Джуди Блум – американская писательница, известна своими книгами для детей и подростков. Одна из первых авторов подростковой литературы, затрагивающих в своих романах табуированные темы: от мастурбации и менструации до подросткового секса, контрацепции (*прим. ред.*).

казаться выполнить мамины требования, всякий раз настойчиво твердил, что любит меня. Было время, когда этого почти хватало.

«Это вопрос справедливости, Джеймс», – говорила мама, и для меня это был знак, что обычная беседа превратилась в «серьезный разговор». Я видела, как шея отца немного надувалась – там он собирал ресурсы для обороны.

* * *

Я не особенно грациозная. Неуклюжей меня тоже нельзя назвать, но посторонний человек, увидев, как я двигаюсь, вряд ли подумает: «Эти бедра созданы для того, чтобы покачиваться в танце» или «С такими пальцами ног ты рождена для пируэтов». Я не пытаюсь принижать собственные достоинства. Как сказала бы мама: «Самоуничижение может только оттолкнуть». Она не стала добавлять, что люди в нашей ситуации не могут позволить себе выглядеть плохо. Поэтому, когда я говорю, что мне не суждено было стать танцовщицей, я просто констатирую очевидное. Но это не помешало ей заявить Джеймсу: «Я думаю, Дана с удовольствием ходила бы на уроки балета, как и вторая твоя дочь». Маме нравилось слово «удовольствие», и, признаюсь, мне тоже.

На деле вышло, что занятия в балетной студии приносили мне не слишком много *удовольствия*. Воображая себя балериной, я видела лавандовую пачку и розовые ленты, завя-

занные вокруг голеней. Вместо этого занималась в балетном трико цвета бинта, в душном зале на верхнем этаже Ассоциации молодых христианок, где пыталась вывернуть свои босые стопы под невозможными углами.

В мои десять лет мама стала обрабатывать Джеймса, что мне нужны дополнительные занятия по естественно-научным предметам. Я поддерживала, потому что мне нравилась биология, но в нашей школе ученики не проводили никаких экспериментов. В последний день учебного года учительница раздала нам флаеры с рекламой Субботней научной академии в Средней школе им. Кеннеди. Мама сказала, что после ужина в среду попросит отца внести за меня первый взнос в тридцать долларов. Я готовилась к этому моменту: пригладила волосы у линии роста, надела блузку с воротничком и короткими рукавами, которая, как мне казалось, придавала мне умный вид. Заложила за ухо карандаш.

В тот вечер мы, как всегда, ужинали на кухне. Мама пригласила Джеймса в наше «логово» посмотреть телевикторину «Тик-Так-Доу» и выпить капельку сливочного хереса. Она подала ему красивый бокал. Отец улыбнулся и поблагодарил ее.

– Джеймс, – сказала мама, – я думаю, Дане принесли бы пользу и удовольствие дополнительные занятия по биологии.

Он сделал маленький глоток хереса. Его кадык дернулся, проталкивая жидкость вниз.

– Наука очень важна для ребенка, – заметила мама, заго-

родив экран телевизора. – В нашем городе есть несколько программ для одаренных детей. Разве ты не считаешь Дану одаренной?

Джеймс ответил:

– Я не говорил, что она не одаренная.

– Хорошо, – сказала мама. – Потому что она исключительно.

Я сидела у ног отца. За ухом торчал карандаш, а спину старалась держать исключительно прямо.

– Эти программы стоят денег, – протянул Джеймс.

– У нее и мама, и папа работают, – напомнила она.

Тот промолчал. Мама села рядом на диван и сказала тихо:

– Между прочим, в Субботней научной академии есть льготы для матерей-одиночек.

Я об этом не знала, поэтому удивилась. Если она могла отправить меня туда бесплатно, зачем вообще было обращаться к отцу?

– Джеймс, – произнесла она тоном, который только казался приятным, – почему ты молчишь?

Я сидела у его ног, поэтому спиной чувствовала, как они подергиваются. Из-за заикания иногда слова, пытаюсь протиснуться наружу, приводили в движение все его тело. С огромным усилием отец сказал:

– Дана, ты же знаешь, что я тебя люблю.

Я резко глянула на маму. «Люблю» означало, что я не смогу пойти в академию.

– Пожалуйста, – попросила я, и голос мой был больше похож на писк.

Мама коснулась губ, показывая, чтобы я замолчала и дала ей вести разговор с отцом:

– Почему нет? Потому что она красивая? Я читала, что в развитие интеллекта красивых дочерей родители вкладывают меньше средств. А Дана, знаешь ли, умная девочка.

Я кивнула, надеясь, что она не сочтет это за попытку вмешаться в беседу.

– Дана, принеси флаер и покажи отцу.

Я оттолкнулась от пола, встала и не успела выйти из комнаты, как отец выдавил:

– В Субботней академии занимается Шорисс.

– Вот как, – сказала мама.

Но я поняла, что это для нее не новость. Если в академию ходит сестра, значит, мне туда не попасть. Таково было одно из основных правил жизни побочного ребенка. Я подумала о флаере, прикрепленном к зеркалу в спальне. На рекламной фотографии дети держали пробирки над лабораторными газовыми горелками.

– Ну, тогда я не сомневаюсь, что Шорисс прекрасно проведет лето.

На экране телевизора красовалась актриса Кэрол Бернетт⁸. Если бы кто-то увидел нас со стороны, готова поспо-

---

⁸ Кэрол Бернетт – американская актриса, комедиантка и певица, наиболее известна благодаря «Шоу Кэрол Бернетт» (*прим. ред.*).

ритель, то приняли бы за обычную семью.

– Мне не нужно твое разрешение, чтобы ее туда записать, Джеймс, – заявила мама. – Это не угроза. Это просто факт.

– Ст-т... – мучился отец. Иногда мне было его жаль, даже в такие моменты.

– Дانه тоже нужны естественные науки.

– Гв-в-вен, – сказал он, – почему ты вс-с-се время так делаешь? Я пытаюсь поступать честно. Ты знаешь, я делаю все, что в моих силах.

Мама ответила:

– Есть несколько программ для одаренных детей, которые показывают высокие результаты в естественных науках. Я навела справки.

Я посмотрела на маму:

– И там тоже есть горелки?

Чуть заметным жестом рук она заставила меня замолчать. Я опустилась на колени возле ног отца, перенесла вес на пятки.

– Я не могу позволить себе новые траты, – произнес Джеймс. – Ты знаешь, я и так на грани, – это было адресовано маме. Потом он обратился ко мне: – Я люблю тебя, малыш.

Мне захотелось заверить его, что ничего страшного не произойдет, мне не обязательно ходить на эти занятия. Казалось, он говорил так грустно и искренне. Мама снова коснулась губ, и я не проронила ни слова.

– Такое впечатление, что, когда ты чего-то хочешь, деньги находятся, – она не повысила и не понизила тон. – Если у тебя нет денег, чтобы записать ее на другую программу, придется отправить Дану в Субботнюю академию, куда она может ходить бесплатно. Все очень просто.

– В эту академию уже ходит Ш-ш-шорисс. Ты это знаешь, Гвен. Почему т-т-ты в к-к-каждой ситуации затеваешь один и тот же спор? Ты знаешь, я делаю все, что могу.

– Но делаешь ли ты все, что можешь, для Даны? Вот это я хочу знать. Я не прошу купить мне лисью шубу, хотя видела твою жену, и ей шубка очень к лицу.

– Т-т-ты в-в-видела Лаверн?

– Я не слепая, – ответила мама. – И не могу предугадать, с кем столкнусь в продуктовом магазине. Как ты любишь говорить: «Атланта – маленький провинциальный городок».

– Н-н-не лезь...

– Никому не нужна твоя так называемая семья. Я заговорила о лисьей шубе, только чтобы ты понял: я ни с кем не соревнуюсь. Я хочу равных возможностей для Даны Ленн.

– Н-н-не смей...

– Может, пусть она ходит хотя бы в планетарий при Музее естественной истории Фернбанка? У меня есть их брошюра и половина суммы.

Джеймс пытался протолкнуть застрявшие в горле слова. Внезапно дернул ногой, едва не попав мне в плечо, и произнес:

– Отвали от моей семьи.

Но теперь уже ссутулился, явно устав спорить. Хотя слова звучали однозначно и грубо, по его обмякшим плечам было видно, что он сдался.

– Успокойся, – произнесла мама, массируя ему шею. – Не ругайся при Дане. Или хочешь, чтобы в будущем ее тянуло к жестоким мужчинам?

Я была не в силах повернуться и посмотреть на него. В планетарии не могло быть газовых горелок.

– Скажи папе спасибо, Дана, – велела мама.

– Спасибо, – буркнула я, все еще сидя спиной.

– Дана, – упрекнула мама, – разве так благодарят?

Я повернулась и сказала:

– Спасибо. Я очень хочу ходить на дополнительные занятия по научным предметам.

– Пожалуйста, – ответил Джеймс.

– Да, сэр, – добавила я, а потом не удержалась: – Это нечестно.

Я посмотрела на отца. Хотелось, чтобы он меня обнял. Ничего больше я сейчас не рассчитывала получить. И знала, что он не скажет: «Ну ладно, можешь учиться в Субботней академии», – даже если я пообещаю не приближаться к Шорисс. Но я надеялась, что он обнимет меня и проговорит: «Прости, что ты всегда получаешь только второсортное, и что у твоей мамы нет лисьей шубы, и что ты никому не можешь назвать настоящее имя папы». Но он молчал, и шея

его не подергивалась, так что я знала: слова не застряли в его горле. Просто у него не было в запасе никаких «прости».

Так как мама росла без матери, а воспитывал ее отец, она считает себя экспертом по повадкам сильного пола, говорит, что знает, как услышать все то, чего мужчины не произносят вслух. Иногда, поцеловав меня и пожелав спокойной ночи, она добавляла: «Папа желает тебе приятных снов». Однажды я спросила, почему он не может позвонить и сам это сказать. «Он твой отец, но в первую очередь он мужчина. Мужчина – это всего лишь мужчина, вот и все, с чем нам приходится работать».

После случая с Субботней научной академией, сразу после отъезда Джеймса из нашей квартиры в свой дом на улице Линнхерст, мама сделала глоток хереса из недопитого бокала отца и сказала:

– Он вернется. И готова спорить, не забудет про лисью шубу.

И почти угадала.

Прошло меньше месяца. Я смотрела комедийное шоу «Субботним вечером в прямом эфире», а мама отключилась на диване. Я сделала звук тише, чтобы она не проснулась и не отправила меня в кровать. Ухо пришлось прижать к покрытому фетром динамику телевизора, так что некоторые шутки, которые не удавалось расслышать, чувствовались кожей. На кофейном столике рядом с мамой стоял бокал, кубики

льда в нем постепенно таяли и слегка потрескивали.

Отец не постучался: у него были собственные ключи и от металлической двери, и от внутренней, деревянной. Мама вздрогнула и села.

– Джеймс?

– А кто же еще? У тебя что, есть другой мужчина, о котором ты мне не рассказывала?

Он засмеялся и прошел в «логово» на звук ее голоса.

– Дана! – крикнул отец в направлении моей закрытой спальни.

– Я тоже в логове, – сказала я.

– Рад, что никого не разбудил.

Джеймс не был одет в водительскую форму. В тот вечер на нем были джинсы и выглаженная синяя рубашка. В руках он держал большую белую коробку. Отец обхватил маму за талию и поцеловал.

– Мне нравится, когда женщина разбирается в спиртном. Что ты пила?

– Хотела задать тебе тот же вопрос, – поддержала мама.

– «Куба Либре».

– Не верится, что ты бродишь по улицам среди ночи.

За разговором мама улыбалась. Мы обе делали вид, что не замечаем большую коробку.

– Разве мне нельзя прийти в любое время, если я соскучился по своей женщине? Разве мне нельзя занести особый подарок для моей малышки?

Я оживилась:

– Так эта коробка для меня?

– Конечно.

– Джеймс, я знаю, что ты не мог ходить по магазинам так поздно.

– А кто хоть слово сказал про магазины? Я играл в карты, и мне фартануло.

Он торжественно снял крышку с коробки. Внутри лежал меховой жакет до пояса, размер 40–42, на вырост.

– Джеймс, – выдохнула мама, глядя мягкий мех, – скажи мне, что ты не выиграл его в карты.

– Еще как выиграл. Моему приятелю Чарли Рэю карта вообще не шла, он спустил все деньги, так что поставил вот это.

Мама нахмурилась:

– Джеймс, ты должен его вернуть. Это же чей-то жакет.

– Ты абсолютно права. «Чей-то» в данном случае значит «мой». И как только моя девочка подойдет ко мне и поцелует, «чей-то» будет значить «Данин». Давай, малышка, н-н-надень его, папа хочет посмотреть, какая ты к-к-красивая.

Я поколебалась, когда отец запнулся, но по его улыбке поняла, что все в порядке.

Жакет лежал на полу возле отца. Он распахнул объятия. Словно героиня кино, я обхватила его за шею и звонко поцеловала в щеку. От Джеймса пахло сладко: спиртным и колой. По сей день и до конца жизни я буду питать слабость к мужчинам, чье дыхание пахнет ромом.

Порой я задумываюсь над тем, как устроен мир, и о том, как происходят события и в каком порядке. Я не из тех, кто верит, что на всякую случайность есть причина. А если и верю, то не считаю, что у всякой случайности причины веские. Но в 1983 году в Доме культуры Атланты я впервые столкнулась с Шорисс без бдительного маминого надзора. Невозможно все в мире списать на случайность. Я верю в закономерность событий. Все тайное становится явным. Сколько веревочке ни виться, а конец будет. Что посеешь, то и пожнешь. Есть миллион таких пословиц, и все они по-своему справедливы. И разве это не освобождает?

Мне было четырнадцать с половиной лет в тот день, когда проходила городская научная ярмарка. Половинный день рождения был моим личным праздником, который я отмечала каждый год. Настоящий день рождения, девятое мая, на самом деле был днем мамы. Она справляла его с помпой: заставляла меня наряжаться, словно королева на парад, и мы устраивали особый ужин в ресторане «Особняк» на бульваре Понсе де Леона. Официанты приносили блюда, и я не могла угадать, из чего они приготовлены. А она говорила: «Как здорово, правда? С днем рождения! Ты растешь». Машины попытки сделать этот день особым праздником только для нас лишний раз напоминали мне, насколько мы были

одинок. Мама и Джеймс настороженно относились к посторонним, беспокоились, что нас могут увидеть и разоблачить какие-нибудь знакомые знакомых. Известно, что говорят о юго-западной части Атланты.

Накануне половинного дня рождения я поставила будильник на 5:37, точную минуту появления на свет, и, проснувшись по его сигналу, перетасовала обычную колоду игральнх карт. Я слышала, что с ее помощью можно предсказать судьбу. Первые шесть карт, которые я достала, были черви, и я надеялась, что это указывает на ожидающую меня любовь. Мама рассмеялась и пропела жизнерадостную песенку Сэма Кука о том, что девочка шестнадцати лет еще слишком молода, чтобы влюбляться. А я сказала, что, может быть, и не знаю, что такое любовь, зато знаю, что такое моногамия. Она удивилась, услышав от меня такое слово. Я узнала его в школе – не на уроке родной речи, а в кабинете школьного психолога по имени мисс Роудс. Меня отправили к ней, потому что в течение шести недель заметили целующейся с тремя разными мальчиками. «У моногамии есть определенные преимущества, барышня».

В старших классах мне было трудно. Дельный школьный психолог понял бы, что за враждебностью, которую я проявляла всякий раз, как меня вызывали к ней в кабинет, скрываются тяжелые и ранящие обстоятельства. В глубине души я была хорошей девочкой, умной, интересующейся биологией. В последний год в средних классах я без конца зубрила,

чтобы поступить в спецшколу с математическим и научным уклоном. Каждый вечер корпела над учебниками, запоминая названия благородных газов и причуды разных изотопов. Я упорно готовилась, хотя до чертиков боялась, что мне не позволят принять приглашение, если Шорисс изъявит желание учиться в Старшей школе имени Мэйса.

Джеймс и Лаверн жили на улице Линнхерст-роуд, всего в полукилометре от этого учебного заведения. Ее построили совсем недавно, и она считалась лучшей старшей школой черной части Атланты. Шорисс легко могла туда поступить, даже если бы ее не взяли в спецкласс: у нее был подходящий почтовый индекс. Мамина квартира находилась всего в четырех с половиной километрах, но мы относились к школьному округу Старшей школы им. Террелла, в которой вообще не было углубленных программ. Я получила письмо о зачислении в июне, но пришлось целый месяц ждать, прежде чем принять приглашение: только тогда я узнала, что Шорисс взяли в Северную старшую школу, которая специализировалась на исполнительских видах искусства. Судя по всему, у нее были какие-то способности к игре на деревянных духовых инструментах.

Проще всего было бы сказать, что это не школа поставила на мне крест, а я на ней. Однако даже сейчас, проезжая по трассе I-285, я чувствую, как что-то екает в животе, когда по правой стороне магистрали вижу Старшую школу имени Мэйса, уже не такую новую, но все еще внушительную на фо-

не деревьев кудзу и сосен. Помню, каково было там учиться, чувствовать, будто я вошла на чужую территорию, каждый день бояться, что Шорисс передумает заниматься в старшей школе в северной части города и играть на малой флейте, а вместо этого придет занять мое место.

Проучившись в девятом классе недели две, я решила завести парня, настоящего, единственного, который привяжет бы меня к этой школе. Это и было причиной поцелуев, из-за которых меня раз за разом отправляли в кабинет психолога.

Так много мальчиков за такой короткий период я перепробовала, потому что каждый либо передавал записочки, либо пилился, либо даже разговаривал с какой-нибудь другой девушкой всего через день или два после того, как подкатился ко мне. Я не могла этого вынести, поэтому бросала их и снова отправлялась на поиски. Если парень проявлял ко мне интерес, я давала ему шанс (мне казалось, что нельзя позволить себе быть переборчивой), но разочаровывалась снова и снова.

Даже ботаникам нельзя было доверять. Всего за месяц до моего половинного дня рождения я начала гулять с Перри Хэммондсом. Он был высокий и голенастый, с прической в форме площадки. Волосы у него всегда были такие неопрятные, что хотелось их хорошенько подстричь. Я выбрала Перри, потому что он, как и я, любил науку и потому что казался слишком странным, так что вряд ли на него позарились бы другие девчонки, учился в одиннадцатом классе и еще

ни разу не целовался (мне нравилось думать, что наши отношения будут не только моногамными, но и вообще первыми в его жизни). Так что после уроков, на лабораторных занятиях по биологии, я разрешила ему меня поцеловать. Но не понимала, что есть большая разница между *нежеланием* изменять и *неимением возможности* изменять. На протяжении наших коротких отношений Перри не встречался с другими девушками, но однажды я зашла в лабораторию, чтобы проверить, как там прорастает мой проект, и увидела Перри, по уши втрескавшегося в учительницу на замене. Я знала, что это произошло, потому что парень бритвой подравнивал линию роста волос на висках. Кожа там была гладкая, белая и испещренная крошечными порезами.

Возможно, я зря вспылила. Может, именно от таких выпадов предостерегал меня отец, когда советовал не поддаваться крайним и безобразным проявлениям эмоций. Но я не могла смириться с тем, что сделал Перри. Пока он был на побегушках у учительницы на замене, взрослой женщины, которая никогда не стала бы целоваться с ним в актовом зале, я взяла пипетку и капнула отбеливателя в его аквариумы с солоноводными креветками.

Я налила слишком мало, чтобы убить всех этих мелких уродливых тварей, но вполне достаточно, чтобы нарушить эксперимент. Мама была права: я развивалась не по годам и уже в четырнадцать лет росла обиженной женщиной.

Перри постигло справедливое возмездие. Его проект не

прошел отбор на городскую научную ярмарку, и вместо него отправили меня. Моя работа, «Воздействие кислотного дождя на развитие семян определенных растений», должна была представлять девятые классы Академии математики и естественных наук имени Бенджамина Э. Мэйса. Перри уныло слонялся по лаборатории, а директор нашей спецшколы обернул мою работу пузырьковой пленкой, чтобы подготовить ее к моему звездному часу.

– Ничего не понимаю, – сетовал мой бывший парень, думая о своих солоноводных креветках и, может быть, задаваясь вопросом, почему я с ним больше не разговариваю. Я ничего не сказала, хотя, наверное, если бы объяснила, почему игнорирую его, это принесло бы мне удовлетворение. Но я жила в мире, в котором нельзя было открыто показывать собственных желаний.

Вопросы жюри оказались несложными. Похоже, самое важное для них было выяснить, сделала ли я эту работу самостоятельно, и поэтому они пытались меня запутать, спрашивали о процедуре смешивания реактивов. Даже не поинтересовались моим мнением о проблеме кислотного дождя и о том, уничтожит ли он весь мир.

Это меня раздражало, так что, отвечая на вопросы, я встряхивала своей гривой. Ровесницы наверняка подстерegli бы меня в туалете за то, что я так щеголяю роскошной шевелюрой, но зато, когда локоны перелетали с одного пле-

ча на другое, мужчины в жюри неловко ерзали на стульях. Не послушавшись маминого совета, я нанесла ярко-синюю подводку на розовый ободок кожи над нижними ресницами. Она безумно щипала, но я только облизывала губы и пыталась сделать скупающий вид. Из моих раздраженных, радужно-переливающихся глаз текли слезы.

Один из членов жюри, грузный мужчина с выпрямленными волосами, спросил:

– Как получилось, что такая красивая девушка заинтересовалась науками?

Сидевшая там же женщина сделала замечание:

– Майкл, вы переходите границы.

Другой член жюри, мужчина, предупредил:

– Майкл, вы можете нарваться на штраф.

Я ответила:

– Меня волнует проблема кислотных дождей. Они уничтожат наш мир.

Трое судей переглянулись, когда я стала теревить жакет из кроличьего меха.

– Красивая шубка, – похвалила женщина из жюри.

– Папа выиграл ее в покер, – сообщила я и потерла глаза тыльными частями ладоней.

Я знала, что не выиграю золотой ключ: поняла это по тому, как члены жюри переглянулись, когда я выходила из небольшой аудитории. В коридоре я поискала своего научного руководителя, но ее не было видно. Дом культуры ки-

шел детьми, волнующимися из-за конкурса. Ученики Старшей школы имени Мэйса ходили в нежно-голубых с золотом рубашках. На мне была такая же, потому что только так я могла участвовать в научной ярмарке, но поверх нее я надела свой жакет, застегнула пуговицы и подпоясалась ремнем, хотя в здании было тепло.

На плечо легла чья-то рука. Я обернулась и увидела женщину из жюри.

– Ты сделала хороший проект, – сказала она, – но тебе следует поработать над самоподачей.

Я вскинула подведенные карандашом брови.

– Не надо показывать коготки, милая, – посоветовала она. – Я говорю это для твоего же блага. Как женщина женщине.

Я ничего не ответила. Дама из жюри слегка погладила жакет, будто питомца, и зашагала прочь.

Я вышла из дома культуры и встала на ступенях перед ним, прижав к губам карандаш, как сигарету. Это была дурацкая привычка, вроде нервного тика, и переняла я ее у Джеймса. Он постоянно ненадолго отвлекался от любого занятия, чтобы выкурить «Кулз». Хотя мама разрешала ему дымить в доме, иногда он выходил на перекур во внутренний дворик. Я часто следовала за отцом, стояла рядом и наблюдала, как он прикрывает ладонями зажженную спичку. Когда Джеймс раскуривал сигарету, казалось, будто единственное и самое важное в мире событие в этот момент происходит в

нескольких сантиметрах от его лица.

Стоял ноябрь, было уже морозно. Такой половинный день рождения не мог обещать хорошего года. Так как меня скрывала от посторонних глаз колонна, я довела игру до конца: «затушила» коротенький карандаш о подошву мокасины. К шуму машин, проносящихся мимо по Пьемон-авеню, примешивалось какое-то мяуканье. Я выглянула из-за колонны – и что же увидела? Прямо перед стеклянными дверями стояла Шорисс Уизерспун и рыдала так, будто ей разбили сердце.

Не сказать, чтобы встреча с ней в этом месте стала для меня шоком. Каждая государственная школа отправляла несколько учащихся на ярмарку. Как сказала бы мама, «люди встречаются». Так что меня ошарашило не то, что мы столкнулись. Нет, уголок рта начал подергиваться, потому что на Шорисс тоже был жакет до талии из кроличьего меха.

Дрожа за колонной, я пыталась придумать правдоподобную историю, в которой отец не соврал мне, когда сделал подарок. Почему Джеймс пошел на такие ухищрения, чтобы меня обмануть? Ведь я всю жизнь знала, что не являюсь главной дочерью. Если бы он просто признался, что купил этот проклятый жакет в магазине, я бы в каком-то смысле была готова к тому, что и Шорисс наверняка получила такой же. Почему он ворвался в мой дом среди ночи и уверил, будто увидел этот жакет, брошенный поверх горсти покерных фишек, и подумал обо мне – и только обо мне?

Забавно: стоит сыграть три или четыре нотки злости, и они сливаются в идеальный аккорд ярости. Я вспомнила, как отец поцеловал меня в щеку, обдав теплым дыханием с запахом рома. Вспомнила школьного психолога и ее высокомерные слова о моногамии. И кто такая эта женщина из жюри, чтобы учить меня, как надо себя вести? Я снова взглянула на Шорисс из-за колонны. Жакет совершенно ей не шел. Он был моего размера, а она даже не могла его застегнуть на своем круглом животе.

Одурманенная гневом, я вышла из-за колонны, но собиралась всего лишь посмотреть на Шорисс. Хотелось разглядеть ее во всех подробностях и потом вернуться в здание через двойные двери. Больше я ничего не планировала. Это чистая правда, хотя кто мне поверит? Я не собиралась говорить с ней, не собиралась трогать ее, просто хотела хорошенько поглядеть.

Теперь я знаю, что именно так люди слетают с катушек и делают такое, о чем потом жалеют. Например, как та женщина, которая чуть не убила певца Эла Грина⁹. Я уверена, она варила кукурузную кашу себе на завтрак, не замышляя ничего дурного. А потом он сделал что-то, из-за чего женщину перемкнуло. И тогда она, наверное, сняла кастрюльку с огня, просто чтобы его припугнуть. Когда опомнилась, кипящая каша была уже размазана у него по всему лицу. Для такого явления есть особое название. «Преступление, совершенное

---

⁹ Эл Грин – американский исполнитель в стиле ритм-энд-блюз (*прим. ред.*).

в состоянии аффекта». Это значит, преступник не виноват.

Шорисс стояла перед домом культуры и в волнении смотрела на дорогу, подсакивая на мысках. Она перестала плакать, но все еще шмыгала носом и вытирала его тыльной стороной ладони. Потом глянула через плечо и произнесла:

– Привет.

Я поздоровалась в ответ, внимательно рассматривая все детали жакета. Это была точно та же модель, вплоть до прозрачных пуговиц на рукавах. Передо мной стояла сестра. Как я поняла из уроков биологии, у нас было пятьдесят процентов общих генов. Я пристально изучала Шорисс, ища что-то общее в нашей внешности. Ей досталось лицо Джеймса, от узких губ до мужского подбородка. Я же была настолько похожа на маму, что казалось, отец усилием воли заставил собственные гены не оставлять следов. Я таращилась на Шорисс, пока не нашла один признак, указывающий на наше родство: случайные пятнышки пигмента на белках глаз – на моих были такие же дефекты.

Я, наверное, слишком долго пялилась, и Шорисс решила, что должна объясниться.

– Я забыла свои схемы дома. Какая дура!

Я пожала плечами.

– Это неважно. Подумаешь, какая-то научная ярмарка.

Она тоже пожала плечами и сказала:

– Я долго работала над проектом.

Потом у обочины притормозил черный «Линкольн» с то-

нированными стеклами. Я вертела в пальцах карандаш, лежавший в кармане. Шорисс прижала руки к груди. Водитель машины ободрающе посигналил. У меня участился пульс, и, несмотря на зимний морозец, стало жарко в жакете. Кожу под волосами защекотало. Наверное, на каком-то уровне я знала: рано или поздно Джеймс обнаружит, что мы с мамой послушались его жесткого приказа «отвалить от его семьи». Но кто мог подумать, что это произойдет вот так, чисто случайно? Сердце трепыхалось в груди. Я чувствовала, как кровь с бешеной скоростью бежит по венам. В каком-то смысле я была рада, что все происходит именно так, что наш обман и обман Джеймса раскроются одновременно. Я только жалела, что мамы не было рядом.

В планах было вести себя смело и дерзко. Не произносить ни слова, просто стоять рядом с сестрой, одетой в такой же меховой жакет, и тогда картина все скажет сама за себя. Может быть, слова станут комом у отца в горле и он задохнется. Я так разъярилась, что даже не понимала, насколько была напугана, однако тело все знало, и когда дверь «Линкольна» открылась, голова повернулась в сторону помимо воли.

Послышался возглас Шорисс:

– Мама! Ты ее нашла?

Я посмотрела на нее: сестра хлопала в ладоши, будто тюлень.

Мама Шорисс, Лаверн, была совершенно не похожа на мою: вся круглая, как и дочка, и вид неряшливый – работни-

ки индустрии красоты часто так выглядят в свой выходной. Волосы, покрашенные в рыжий цвет, были стянуты на затылке обычной резинкой. Футболка, которая, наверное, когда-то была черной, была заправлена в нечто вроде симпатичных атласных штанов от пижамы. Лаверн помахала над головой оранжевой папкой. Мне она показалась расслабленной, даже глуповатой. Женщина явно не продумывала все свои действия наперед.

– Ты про эту папку? – переспросила она. – Зачем она тебе? Я собиралась отвезти ее на блошинный рынок и продать.

– Мама, – сказала Шорисс, – ты меня смущаешь.

А потом слегка повернула голову в мою сторону.

– Привет, – поздоровалась Лаверн. – Красивая у тебя шубка. Вы, девочки, прямо одинаковые.

Я кивнула. Лаверн не была красивой и эффектной, как моя мама, но при этом казалась более заботливой. Ее руки были созданы, чтобы делать бутерброды. Нет, моя мама, конечно, тоже обо мне заботилась: каждый вечер вплоть до пятого класса выкладывала для меня одежду на утро, но у нее всегда был такой вид, будто она занимается не своим делом. Всегда оставалось чувство, словно мама делает одолжение. Лаверн была из тех матерей, которым не обязательно говорить спасибо.

– Мне ее отец подарил, – сказала я.

– Мне тоже, – подхватила Шорисс. Она провела рукой по моему рукаву. Щелкнул разряд статического электричества.

Отстранившись от сестры, я заявила:

– Выиграл в покер.

Эту фразу я сказала, обращаясь к Лаверн, и прозвучала она как вопрос.

У той слегка обвисла челюсть:

– Как ты сказала?

Я промолчала, потому что знала: женщина прекрасно все слышала. Было ясно, что мои слова и для нее кое-что значили. Лицо ее сморщилось, и она уже не казалась такой круглой и довольной жизнью. Мне она всегда напоминала только что накормленного младенца: напившегося молока и умиротворенного.

Лаверн сказала дочери:

– Ну ладно, детка. Ни пуха ни пера. Мне надо бежать по делам.

Шорисс бросила:

– Хорошо, спасибо, – и направилась к зданию.

Я стояла на ступенях, пока Лаверн не села обратно в «Линкольн». Я не видела ее лица за тонированным стеклом, но могла представить, как она смотрит на меня и мой жакет. Женщина знала, что это важный момент: я поняла это по тому, как она сжала губы, садясь в машину. И отвернулась: пока что не хотелось, чтобы она запомнила мое лицо. Это было только начало. Некоторые события неизбежны.

Только дураки думают иначе.

Широкий жест

Мама дважды в своей жизни делала мужчине предложение. Первый раз Клэрэнсу, сыну хозяина похоронного бюро. На Вечере белого танца в 1966 году Клэрэнс пригласил ее поехать с ним в отель «Паскаль».

– Если его любит сам Мартин Лютер Кинг, то и для нас не зазорно там побывать, – сказал он и засмеялся, что маме не особенно понравилось.

Все знали: и доктор Кинг, и Энди Янг, и весь Колледж Морхаус частенько заходили в ресторан при отеле «Паскаль», славившийся своей легендарной жареной курицей. Но Клэрэнс говорил о том, что происходит наверху, в узких номерах, за плотными шторами.

– Это шутка, Гвен, – сказал Клэрэнс.

– Дай мне подумать, – колебалась она.

– Мы с тобой всерьез встречаемся уже два года, – уговаривал тот.

– Знаю.

– И сегодня особый вечер.

Мама посмотрела на него, такого красивого в синем костюме, всегда синем, никогда – черном. Черный костюм предназначался для работы, когда Клэрэнс маячил за плечом отца, обучаясь работе начальника похоронного бюро. В

журнале мамино бледно-желтое платье с рукавами-фонариками и завышенной талией казалось элегантным. Готовое же не особенно нравилось, но она столько времени потратила на чертеж на кальке и обработку петель, что не могла его выбросить всего лишь из-за сборок на вороте и неудачного кроя.

Мама отвела взгляд и заметила красную гвоздику на сиденье рядом с Клэрэнсом.

– Ты потерял бутоньерку.

Она взяла гвоздику, вытащила шпильку из отворота его пиджака и принялась деловито прикреплять цветок на место. По радио Смоки Робинсон ¹⁰ жаловался, что «лучше вообще не пробовать меда, чем попробовать всего каплю».

Клэрэнс схватил маму за запястье – не слишком сильно, без угрозы, но крепко.

– Я уже оплатил номер.

– Оплатил?

– Я хотел побыть с тобой наедине в каком-нибудь приятном местечке.

Мама проговорила:

– Сегодня вообще-то Вечер белого танца. Ты берешь на себя слишком большую инициативу.

– В этот вечер девушки приглашают парней на свидание, но это не значит, что парни должны сидеть без дела.

---

¹⁰ Смоки Робинсон – американский продюсер и автор-исполнитель (*прим. ред.*).

Он улыбнулся. Зубы были ровные и белые, как мраморные надгробия.

– Хорошо, тогда позволь я приглашу своего кавалера, – сказала мама. – Давай помолвимся, а потом поедem в «Паскаль».

– Что-что?

– Ты возьмешь меня в жены?

Клэрeнс отпустил ее запястье, словно в буквальном смысле отказываясь от ее руки. Потер подбородок и мягкие волосы, которые начали на нем расти. Выглянул в окно. Мама начала нервничать, не перегнула ли палку. Она поставила на кон не только свои сердце и гордость. Отец работал на отца Клэрeнса, и мамины отношения с этим молодым человеком были выгодны для ее отца. И вообще, если не за Клэрeнса, то за кого выходить? В этом году она выпускалась из школы.

– Ты не хочешь быть со мной? – прошептала тогда мама.

Наконец парень ответил:

– Еще как хочу! Просто я немного иначе представлял себе нашу помолвку. Ну и ладно, давай помолвимся. Вот мы уже и помолвлены. Хорошо?

Мама кивнула и вся обмякла от облегчения.

Клэрeнс завел машину, и они поехали в «Паскаль».

И вот Клэрeнс остался в прошлом, и на маме снова было то же самое желтое платье, сшитое своими руками, и не потому, что начало ей нравиться, а потому что завышенная та-

лия помогала скрыть изменения в фигуре. Она боялась признаться Джеймсу о задержке в четыре недели. Всем известно: такую новость сложнее всего сообщить мужчине, даже если он твой муж. А мой отец был чужим мужем. Все, что можно в этой ситуации сделать, – рассказать и позволить ему решить, остаться или уйти.

Мама была слишком напугана, чтобы произнести эти слова, поэтому написала признание на обрывке бумаги, как глухонемой попрошайка. Когда отец прочитал записку, заикание напало на него с такой силой, что не получалось даже начать разговор. Мама напонила, как сильно он хотел ребенка. Лаверн спала с Джеймсом уже целых десять лет, но не могла дать то, чего он хотел больше всего на свете. А Гвен хватило всего пары месяцев. Этот ребенок задался целью родиться, ведь он был зачат, несмотря на все меры предосторожности. Мама сказала отцу, что я – это знак судьбы.

В конце концов Джеймс заявил:

– Ты родишь мне сына.

Он сидел на качелях на крыльце общежития и размышлял. Мама видела, как он переваривает новость, прокручивает все в голове. Так продолжалось какое-то время, а потом папа посмотрел на маму – не на лицо, а на живот, прямо на меня. Она говорит, что почувствовала легкий укол ревности. Джеймс думал только о том, что наконец станет отцом, обзаведется наследником. Давным-давно, когда он только женился на Лаверн, они ждали мальчика. Ребенок родился но-

гами вперед и не успел даже сделать первый вдох. Джеймс покачивался на качелях и думал, что вот его второй шанс.

Пока он упивался восторгом от того, что наконец станет папой, и твердил, как ему не терпится рассказать новость брату, мама задала главный вопрос. И произнесла его игристым тоном, будто приглашала выпить крем-соды.

– Джеймс, – сказала она, – давай поженимся. Сделай меня порядочной женщиной.

Всего мгновение назад он был весь в движении, но сейчас казалось, что кто-то накачал его бальзамирующей жидкостью. Наконец Джеймс пришел в себя и отчеканил:

– Я не брошу Лаверн.

Мама знала, что это не шутка, ведь он назвал жену по имени. Она вспомнила собственного отца. После разрыва с Клэренсом дедушка сказал: «Ты не лучше Флоры», – и мама сразу поняла, что их отношения закончены навсегда.

Когда Джеймс заявил, что не собирается уходить от Лаверн, мама попыталась сделать вид, будто он неправильно ее понял, будто она не предлагала сбежать вдвоем, жить вместе как нормальные люди и дать мне шанс на обычную жизнь.

– А я разве это предлагаю? Женись на мне тоже. Давай поедem в Бирмингем, поженимся в Алабаме.

Конечно, она знала, что такой брак все равно незаконен, но это лучше, чем ничего. Даже подобный фиктивный брак спас бы меня от положения внебрачного ребенка. Больше она ничего не хотела. Мама говорит, это Уилли-Мэй подска-

зала ей вынудить Джеймса жениться, превратить его в двоюродного брата, преступника, и тогда у нее будет козырь в рукаве. Но когда мама делала это предложение, то действовала не из коварства. Она думала о любви и обо мне.

Джеймс рассматривал ее фигуру, от шеи и ниже, пытаясь что-то сказать. В тот момент заикание мучило его как никогда сильно. Ноги у него задергались, будто в припадке, а потом он все-таки выдавил:

– Хотя раз в жизни я хочу жениться не по залету.

Мама рассмеялась. Не смогла сдержаться. После всего, что между ними было, Джеймс показал себя капризным, будто девушка, которой сказали, что свадьбу нельзя назначить на июнь. Мама заметила:

– Ну, тогда не спи с женщиной, если ты на ней не женат.

Они разговаривали на обрешеченном крыльце общежития. Надо было отвести Джеймса в более уединенное место, но куда?

Когда он ушел, остальные девушки смотрели из окон ему вслед. Мама видела, как соседки приподнимали уголки штор и подглядывали в щелку.

Она говорит, это было похоже на пощечину, но я ее не поправляю. Когда тебя бросают, ощущение не похоже на резкую, как ожог, пощечину, которая тут же проходит. Это больше похоже на удар в живот, который оставляет синяк на коже и выгоняет из тела драгоценный воздух.

После отъезда отца Уилли-Мэй вышла на крыльцо и се-

ла на качели рядом с мамой, которая полностью осознавала собственное невыгодное положение: беременная и незамужняя. И как несправедлива жизнь, что именно ей достаются все шишки. Джеймс, несомненно, вернулся в свой двухэтажный дом с тяжелым сердцем. Мой отец не изверг, но все-таки у него был дом и жена, которая накрывала для него на стол.

Бывшая свекровь мамы в качестве свадебного подарка презентовала ей коробку писчей бумаги. Это была роскошная хлопковая бумага с оттиском новых маминых инициалов в виде монограммы. Подарок нес в себе двойной смысл, и мама тут же его поняла. Монограмма означала искреннее приглашение стать членом новой семьи: Гвен теперь принадлежала к семье Ярборо (после развода она вернула бриллиант с пятидесятилетней историей, но оставила фамилию). Кроме того, белоснежная бумага в картонной коробке означала, что, будучи Ярборо, мама занимает более высокое положение в обществе, а женщины ее статуса должны писать благодарственные письма. Мама уже знала об этом, потому что в школе ей хорошо давались уроки домоводства (где, кроме прочего, научили за ужином в гостях определять стоимость фарфорового сервиза).

Она написала письма благодарности за свадебные подарки: дорогое постельное белье, посеребренные ложки, литые сковородки, которыми она едва успела попользоваться в течение непродолжительного брака. Но для благодарственных писем не стала использовать бумагу «Крэйн» с монограм-

мой, а вместо этого взбунтовалась и купила в «Вулворте» бумагу с цветочным орнаментом. Те нетронутые листы с монограммой приехали в ее новую жизнь на Эшби-стрит.

В своей комнате, оставшись одна, она достала коробку с бумагой с полки в кладовке.

Дедушка жил всего в семи километрах от Эшби-стрит, на Эджвуд-авеню, под пристальным наблюдением добровольных служительниц церкви. Они жалели старика, ведь сначала его бросила Флора, а потом, после того, как он полжизни отдал дочери, оказалось, что и Гвен ничуть не лучше своей бесстыжей мамыши.

Когда к началу месяца мама не получила ответа от отца, то подумала, что эти женщины уничтожили ее письмо. Всю жизнь она чувствовала неловкость в обществе этих суррогатных мачех, добропорядочных и совершенно не умеющих любить. В возрасте двенадцати лет она обвинила их, что те не передают ей письма и поздравительные телеграммы от Флоры. Естественно, служительницы церкви все отрицали, и в конце концов девочка поняла, что мать просто бросила ее. Эти женщины были строгие, но не жестокие.

Хотя письмо, которое мама написала на бумаге с монограммой, было настолько короткое, что поместилось бы на открытке, ей пришлось переписывать его четыре раза (листы, которые она испортила фальстартами, до сих пор лежат в той же коробке вместе с чистыми).

«Дорогой папа!

У меня будет ребенок, и я хочу вернуться домой. С любовью,

Гвендолен Б. Ярборо».

Наконец, через девять дней, пришел ответ. Конверт маме передала домовладелица. Она и сама служила в церкви Мон-Морайя дьяконицей. Хозяйка была не лишена сострадания, но по лицу читалось, что она не потерпит незамужних беременных женщин в своем общежитии. Мама могла оставаться в комнате, пока ее беременность незаметна. То же самое касалось и работы.

«Надеюсь, это письмо от того, кто решил поступить как честный человек», – сказала домовладелица.

Дедушка написал ответ на разлинованном листке, вырванном из блокнота, с липким верхним краем. Ответ был без обращения и без подписи.

«Это не твой дом. Твой дом там, где ты сейчас живешь».

Когда Джеймс все-таки вернулся, мама была другим человеком. Изменилось не только ее тело, которое раздулось из-за растущей внутри меня. Сама душа стала распухшей и хрупкой. Через пару недель придется съехать из общежития. Уилли-Мэй отдала маме все сбережения – завернутые в кульки монеты и сложенные пополам купюры. Деньги зарабатывались упорным трудом, и это было понятно даже по запаху. Мама скопила очень мало, потому что большую часть тратила в «Дэвидсонс»: открывала конверт с зарплатой прямо в магазине и оплачивала товары, которые отложила для

себя. Она представляла, что окажется на улице, не имея даже чемодана, чтобы сложить купленные там красивые платья.

Когда Джеймс нажал кнопку звонка, Уилли-Мэй провела его наверх. Это было против правил, но маму все равно собирались выселять. Она лежала в постели, так и не переодевшись после работы. Только обувь сняла. Если бы Уилли-Мэй не приходила к ней каждый вечер в девять и не заставляла надеть ночнушку, мама и спала бы прямо так. Все эти красивые платья, трещащие по швам в области талии...

Он вошел в комнату вслед за Уилли-Мэй, держа фуражку в руке, будто пришел проститься с покойником. Один только Бог знает, что Уилли-Мэй сказала ему по пути от входной двери до маленькой комнатки. Выглядел Джеймс так, словно кто-то завел его за дровяной сарай и крепко поколотил.

А позади шел Роли в точно такой же форме. В этот момент мама впервые увидела его и на секунду подумала, что он белый, поразившись, в какой попала переплет.

– Это Роли, – сказал Джеймс. – Мы вместе росли.

Присмотревшись, стало понятно, что мужчина все же цветной. И еще она видела, что Роли хороший человек. Добрый. Даже, если честно, мягкосердечный. На секунду, лежа в постели в своем сером шерстяном платье и в колготках, она взглянула на него и пожалела, что познакомилась не с ним, а с Джеймсом.

Тот же опустил на колени возле кровати. Деньги лежали

в коробке из-под сигар, зажатые между мамой и стеной. Запах духов Уилли-Мэй, «Чарли», смешивался с запахом ирисок, таявших во рту Роли. От Джеймса пахло чистой хлопковой рубашкой, кремом после бритья и ментоловыми сигаретами. А еще в комнате витал запах маминого пота. Точно так же пахли деньги в коробке от сигар.

– Гвен, – начал он, – послушай. Я кое-что придумал.

Мама ничего не ответила и отвернулась к стене, сжавшись вокруг коробки с деньгами.

– Гвен, – продолжал Джеймс, – я пытаюсь поступить правильно. П-п-повернись и посмотри на меня.

Она не повернулась, желая услышать то, что он собирался сказать, и при этом не волноваться из-за выражения своего лица.

– Роли, – позвал Джеймс, – подойди.

Тот придвинулся к кровати, сложился, худой и длинный, и встал на колени рядом с другом.

Запах ирисок заставил маму повернуться. Она представила обоих мальчишками, шkodливymi, неразлучными и иногда напуганными. Гвен тогда этого не знала, но моя бабушка, мисс Банни, относилась к мальчишкам, словно они единое целое: и лупила, и хвалила сразу обоих, независимо от того, который напортачил или отличился.

– Уилли-Мэй, – позвала мама. Ей хотелось поддержки. Связь между мужчинами была словно живое существо, словно пятый человек в этой маленькой комнате.

– Я пойду вниз, – сказала Уилли-Мэй. – Буду следить, чтобы не пришла хозяйка. Думаю, вы не хотите, чтобы она вас застукала.

– Это неважно, – возразила Гвен. – Не уходи.
Но та все равно ушла.

После этого маме показалось, что в комнате полно мужчин.

– Можешь сесть? – спросил Джеймс.

Мама оперлась о подушки и выжидательно посмотрела на них.

– Рад с вами познакомиться, – сказал Роли. – Я слышал о вас много хорошего.

Мама не знала, что на это ответить, поэтому просто кивнула.

Джеймс повторил:

– Мы кое-что придумали. М-м-мы... – он посмотрел на друга и ткнул его в бок.

Роли продолжил фразу:

– Мы продали «Линкольн» и выручили за него хорошую сумму. Вот чек на ваше имя. Он с моего счета, но это деньги от Джеймса. Пришлось так сделать из-за отчетности, понимаете. Мы о вас позаботимся.

О ней позаботятся! На мгновение мама представила себя кем-то вроде своей бывшей свекрови, чьей единственной задачей было красиво выглядеть и грамотно говорить. Когда

о тебе заботятся, значит, у тебя никогда не будет недостатка в любви и деньгах. Будто Джеймс и Роли предлагали шанс стать не Гвендолен Ярборо, а совершенно другим человеком.

Мама посмотрела на Джеймса, тот кивнул.

– М-м-мы хотим поступить по совести.

Роли протянул чек. Бумага была простая, зеленоватая, цвета морской пены – такой бланк выдают бесплатно, когда открываешь счет. Ее имя было аккуратно напечатано в верхней строчке, внизу стояла угловатая, но не вычурная подпись Роли. Строка «Назначение» оставалась пустой.

Когда мама рассказывала эту историю, воспоминание было несвежим, как мясо, которое слишком долго держали в холодильнике. Она не могла вспомнить волнения, которое наверняка почувствовала из-за того, что так быстро получила ответ на свои молитвы и что воля Божья исполнилась не таинственным образом, а самым простым и прямым. Эту историю мама рассказала мне в 1986 году и добавила: «Будь осторожнее в своих желаниях». Сейчас вспоминается и табачный запах папиного дыхания, и резкий вкус его поцелуя. Помнит, что колени Роли хрустнули, когда тот поднимался. Она знала, как впоследствии сложилась ее судьба, и хотела уверить меня, что уже тогда предчувствие было дурное. Но я понимала – это ложь. Я завидовала, что в ее жизни был такой момент. Какая девушка не мечтает о спасении и не хочет широких жестов?

В роддоме подписать на свидетельстве о рождении поставил Роли, чтобы спасти меня от позора и по документам я не была безотцовщиной. Через четыре месяца после этого мама, папа, Роли и Уилли-Мэй поехали в Бирмингем (штат Алабама) и явились в окружной суд. Мама удивилась, как мало нужно, чтобы стать мужем и женой. Никто не спросил, не состоят ли они в браке с кем-то еще. Роли поставил подпись в графе «Свидетель», то же сделала Уилли-Мэй. Я была на этой церемонии, одетая в белую крестильную рубашечку. Кружевной шлейф ниспадал с рук Уилли-Мэй. У мамы на ночном столике стоит свадебная фотография в рамочке. Только представьте меня, такую маленькую и чистенькую, — живое доказательство, что союз этих двух людей священный и истинный.

Сны о сердце

К пятнадцати с половиной я стала видеть навязчивые сны о моем сердце. Оно снилось мне несколько раз в неделю. Иногда было в форме груши, покрытое синяками и скользкое в чаше грудной клетки. В другом сне было анатомически правдоподобным и мерно пульсировало. Только клапаны закрывались неплотно, и с каждым ударом густая кровь вытекала наружу. То были кошмары, но другие сны о сердце были яркие, как лето. В одном из них оно было бархатно-красным тортом, который мама подавала на красивейших отполированных серебряных тарелках. Другой был ни веселый, ни грустный: сердце было бокалом для вина, который я обернула салфеткой и раздавила каблуком быстро и милосердно.

Я встречалась с Маркусом МакКриди, который стал тайным центром моего мира. Ему исполнилось восемнадцать, и по-хорошему то, что мы делали, было противозаконно. Я посмотрела в словаре слово «растление», но ничего полезного не нашла. Он меня звал «малолетка», и губы его были сладкие от ликерного виски и имбирного эля. «И кто вообще установил возраст согласия?» – спрашивала я, понимая, что ответ узнать невозможно, да и бесполезно. Если я чему и научилась у родителей, так это тому, что законодатели ни-

чего не понимают в отношениях между мужчинами и женщинами.

Мне казалось, что в Маркусе нельзя было что-то не любить: красивый, иногда немножко задиристый, но я знала, что это лишь напоказ, позерство. Бандитская походка, высокомерно поднятый подбородок – все это должно было спрятать его неловкость из-за того, что он на год старше одноклассников. Маркус пошел в школу на год позже остальных, потому что в детстве переболел коклюшем, к тому же его день рождения приходился на начало школьного года. Поэтому он был немного старше, но ничуть не глупее. Просто родился в неудачное время, а такое может случиться с кем угодно.

Семья МакКриди была хорошая. Его мама вела музыку у начальных классов, папа был бухгалтером и занимался налогообложением. Маркус-старший проверял бухгалтерию моего отца. Я узнала это совершенно случайно, и вся затрепетала от близости к настоящей жизни Джеймса. Когда родители Маркуса устроили церемонию, на которой повторно принесли друг другу брачные клятвы в Центре искусств «Калланвольде», отец был у них водителем и сделал скидку. Маркус-старший зовет его Джимом.

Мы все делали тайком. Когда я проходила мимо него по школьному коридору, он отводил взгляд. Через месяц я научилась первой смотреть в сторону. Ему не хотелось меня обидеть, просто за год до этого, учась в частной Вудворд-

ской академии, он крупно вляпался, так что ему нельзя было встречаться с девчонками младше себя. Я легко вжилась в роль непризнанной подружки. Когда ты и так ведешь тайную жизнь, спрятать внутри тайны еще одну не составляет труда. Я даже изменила внешность, чтобы усилить эффект вдвойне двойной жизни: начала укладывать волосы в два пучка над ушами на манер принцессы Леи и перестала пользоваться подводкой для глаз. Потом попросила маму купить черно-белые ботинки вроде тех, что носила Оливия Ньютон-Джон в фильме «Бриолин», но их сняли с производства. Пришлось обойтись своими мокасинами. Я надевала под них белые носки и восхищалась своими целомудренными голеньями.

– Что с тобой случилось? – спросила мама. – Ничего нет плохого в том, чтобы немного накраситься и приодеться. Или у тебя просто такой период?

Она взяла меня за плечи и попыталась прочесть ответы на лице. У нас была договоренность рассказывать друг другу все. Мама коснулась моего лба, потом ушей.

– Где сережки?

– В шкатулке с украшениями, – ответила я.

– Ты перестала их носить, – грустно заметила мама.

Но это не так: я надевала их на свидания с Маркусом.

Было бы несправедливо утверждать, что из-за него я сильно изменилась, будто он взял милую тихую девочку, которая хотела стать педиатром, когда вырастет, и превратил в оторву. Я знала, что шептали некоторые за моей спиной, но от этого наговоры не стали правдой. Скорее Маркус показал мне новые возможности. Я познакомилась с ним (где бы вы думали?) в универмаге «Крогер». Мы с мамой пришли закупиться консервами: синоптики предсказали, что толщина снежного покрова составит до десяти сантиметров, и весь город был в панике. Мама поздно пришла с работы, и мы помчались в магазин посмотреть, осталась ли там хоть какая-то еда. Она хватала с полок последние банки с супом, а меня отправила добыть ветчину со специями. Магазин кишел напуганными покупателями, сгребавшими все продукты длительного хранения, даже маринованные устрицы. Ветчину всю разобрали, но в самом дальнем углу полки нашлось несколько покрытых вмятинами жестянок с венскими сосисками.

Я бережно прижала банки к груди и вдруг почувствовала, как кто-то потянул меня за петли джинсов. Обернувшись, увидела Маркуса. Я узнала его. Невозможно было учиться в школе имени Мэйса и не знать, кто такой Маркус МакКриди III.

Все еще держа меня за талию, он наклонился, положил свой подбородок телеведущего мне на плечо. Его дыхание пахло апельсиновой цедрой и чем-то пряным вроде гвоздики.

– Привет, красавица. Если бы ты не была малолеткой, я бы попросил тебя дать мне шанс.

Рука скользнула от моего пояса вверх по спине. Я замерла и позволила ему запустить другую руку в волосы.

– Ты такая симпатичная. И классная. Фигуристая.

Я представила, что мое сердце – это крошечный звенящий колокольчик на кошачьем ошейнике.

Я скрестила ноги и стиснула колени, хотя знала, что именно так девчонки симулируют плохое самочувствие, когда не хотят идти на физкультуру. Я напрягла ноги, чтобы не упасть. Вот оно какое, вожделение, чистое и неукротенное. Это слово я узнала из женских романов Джудит Кранц, но все равно дрянные книжонки в мягкой обложке не подготовили меня к тому, что во мне пробудит прикосновение пальцев Маркуса к коже головы и аромат его дыхания. Я склонила голову навстречу ласке, и он произнес:

– А тебе ведь нравится.

Внезапно парень отпустил меня и более бодрым тоном выпалил:

– Здравствуйте, миссис Грант.

Я обернулась и увидела светлокожую леди с тележкой, с горкой набитой покупками.

– Здравствуй, Маркус.

Я моргнула, будто кто-то только что включил яркий свет. Опустила глаза. Мне было стыдно смотреть в лицо толпящимся вокруг покупателям, которые видели бог знает что.

– Дай мне свой номер, – потребовал Маркус. – Меня могут посадить, но мне все равно. Черт, девочка, ты такая красивая.

У меня не было бумаги, но в сумочке (подделке под «Луи Виттон») лежала ручка. Он оторвал от жестянки с тунцом клочок этикетки, и я написала свой номер крошечными, но разборчивыми цифрами. Маркус сложил обрывок в несколько раз, так что клочок стал похож на комочек бумаги, которым стреляют через трубочку мальчишки, и запихнул в карман. Я стояла без движения, чувствуя, как под тонкой пленочкой кожи все тело расширяется и сжимается. Так и стояла, пока мама не подошла вместе с тележкой.

– Вот ты где.

Я отдала венские сосиски и наконец расслабила колени. Улыбнулась как ни в чем не бывало, словно осталась все той же девочкой, что и десять минут назад. Но на самом деле стала другой: пламенеющей и посвященной.

6

Задумайся

Благодаря знакомству с Маркусом я нашла лучшую подругу. Рональду Харрис. Она часто бывала на вечеринках у него дома, не потому что была в его компании, а потому что Маркус всегда искал девушек, чтобы разбавить мужское общество. Рональда жила с ним по соседству, и, как и у меня, у нее не было нужды беречь репутацию. Иногда на вечеринках Маркус называл меня своей девушкой и целовал на глазах у всех. Я сидела у него на коленях и пила из его чашки. А иногда он тайком подмигивал и улыбался мне поверх голов гостей.

Когда у него не было времени на разговоры, я тусовалась с Рональдой. Она недавно переехала в Атланту и настолько отличалась от остальных, словно прилетела из-за границы учиться по обмену. Подруга пыталась выпрямить волосы самостоятельно с помощью специального средства, а в результате практически облысела, и поэтому носила огромные серьги и пользовалась тенями для век с блестками, чтобы ее не принимали за парня. К тому же у Рональды был занятный говор, который выражался не в особом произношении слов, а в том, как она соединяла их в предложения. Чтобы подчеркнуть свою мысль, подруга повторяла слово трижды: «Этот экзамен был сложный, сложный, сложный». Она го-

ворила «не укупишь», словно приехала из Луизианы. Лицо было совершенно непримечательное, как буханка хлеба, однако она встречалась со взрослым мужчиной. Это был военный, который иногда заезжал за Рональдой на люксовом темно-синем «Катласс Суприм». Несколько раз он подвозил и меня. Я сидела на заднем сиденье и смотрела на глянцевую желтую ткань, покрывавшую потолок и крепившуюся с помощью украшенных перьями защепок. Я думала, что Рональда потрясающая, а Маркус считал ее странной и называл «деревня» и «гетто».

Она сказала, что «гетто» еще переживет, но «деревня» — это слишком.

— Как он может говорить, что я деревня, когда сам из Джорджии?

Рональда переехала из Индианаполиса, из настоящего большого города куда севернее Атланты.

— Настолько севернее, что мы не впадаем в панику из-за мелкого снежка. Маркус и его компашка, может, и мажоры, но это они деревня. Деревенские мажоры.

Рональда мне все объяснила, когда я пришла к ней домой помочь с математикой. В ее прежней школе старшеклассников разделяли на два потока: в первом ребята готовились к поступлению в вузы, во втором учились все остальные. Рональда застряла во втором, и поэтому ей не хватало знаний для учебы в школе имени Мэйса. Она почти полгода пыталась заниматься самостоятельно: усердно зубрила и внима-

тельно слушала учителей на уроках. Остальные обменивались записочками и составляли примерный список подружек невесты (свадьбы должны были состояться после нашего совершеннолетия и непременно в июне). За неделю до зимних экзаменов Рональда даже обернулась и сделала замечание однокласснику, который громко шуршал, разворачивая сливочный леденец. Но все же тригонометрия ей давалась тяжело, потому что прежде она проходила лишь общий курс алгебры. Ее папе пришлось задействовать связи, чтобы дочку приняли в спецшколу с математическим и научным уклоном, так что Рональда ужасно боялась завалить экзамены и отправиться назад, в Индианаполис.

Я вызвалась помочь не только потому, что эта девчонка мне нравилась (кстати, очень). Даже в начале года новички вызывают большой интерес, но вот если человека переводят к вам в класс через два месяца после начала занятий, то, очевидно, причиной тому служит какая-то сложная история. А лучше всего чует сложную историю тот, у кого и своя непростая.

Дом, где теперь жила Рональда, был большой, почти такой же, как у Маркуса, но у семьи МакКриди был гараж, а у отца подруги только навес для машины. И все же это был хороший дом с четырьмя спальнями и двумя ванными.

– Мне нравится заниматься в столовой, – сказала Рональда и положила тетрадь на дымчатое стекло овального стола, установленного на черном возвышении. – Только аккуратно.

Мачеха бесится, бесится, бесится, если поцарапаешь его.

Мы занимались около двух часов. Рональда достаточно быстро схватывала, но все равно пока отставала. Мы разбирались с синусами, косинусами и тангенсами, а наши одноклассники уже решали сложные уравнения с ними. В конце занятия я сделала домашку и дала ей списать. Почерк у Рональды был нервный.

– Во сколько тебе надо быть дома? – спросила она.

– Все равно, – ответила я, – главное до семи, до того, как мама вернется с работы.

– Хочешь посмотреть подвал?

Я последовала за ней по ступенькам в стиральную комнату – и замерла, восхитившись такой роскоши. Нам с мамой приходилось относить грязную одежду в прачечную самообслуживания и полтора часа ждать, пока машинки с прорезями для монет прокрутят белье. Джеймс сказал, что может помочь купить комплект из стиралки и сушилки, которые ставятся одна на другую, но в нашей квартире не было вытяжки для сушилки.

Отделанный темной плиткой подвал был шириной во весь дом, но с иной атмосферой. Верхняя часть явно была территорией мачехи: полная солнечного света и сияющая хрусталем и зеркалами. Бледно-голубые фарфоровые блюда выстроились рядом с кобальтово-синими бокалами. А вот подвал казался явно мужским пространством, снабженным столом для пинг-понга, мини-баром и кабельным телевидени-

ем. Воздух здесь был прохладный и влажный, как дождевые черви. В нем витал еле различимый запах благовоний с клубничной ноткой.

Рональда включила электрокамин, который занимал большую часть дальней стены, рядом с аудиосистемой. Он был выкрашен в зеленый цвет и по виду очень напоминал настоящий. Тот загудел, пластиковые поленья засветились оранжевым.

– Здорово, правда? – сказала Рональда.

– Ага, – согласилась я.

– Дай-ка вылью воду из осушителя воздуха. Это одна из моих домашних обязанностей.

Она подошла к прибору, по виду напоминавшему небольшой металлический шкафчик, вытащила оттуда поддон с водой и вылила в стиральную машину.

– Папа часто проводит здесь время, – сказала одноклассница.

Все в этом помещении говорило, насколько мистер Харрис гордится тем, что он черный. На стенах висели графические портреты людей, изображения которых я видела в школе во время Недели черной истории: Малкольма Икса ¹¹, У. Э. Б. Дюбуа ¹² и других известных афроамериканцев. Ка-

---

¹¹ Малкольм Икс – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права чернокожих (*прим. ред.*).

¹² Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа – афроамериканский общественный деятель, панафриканист, социолог, историк и писатель (*прим. ред.*).

жется, кто-то из них изобрел светодор. Среди картин был еще портрет новорожденного младенца – младшего брата Рональды по имени Нкрума. На другой стене расположилось изображение бейсболиста Хэнка Аарона в тот момент, когда он выбил свой 735-й хоум-ран. Единственная женщина в этой галерее была полуголая. Я все тарасила на постер, пытаюсь определить, красивая она или нет. Ее темнокожее тело лоснилось от масла. Между заостренных грудей пролегал кожаный ремень, усаженный патронами. Шапка густых курчавых волос тоже украшалась ими, и еще больше висело вокруг бедер, скрывая пах.

Этот образ поставил меня в тупик. Она была обнажена, а значит, наверное, считалась сексуальной, но я никогда не видала на постере настолько темнокожей девушки с такой шапкой курчавых волос. Я была чем-то средним между девушкой с плаката и любимой актрисой Маркуса, Джейн Кеннеди¹³. Мои роскошные локоны были похожи на ее, но кожа – как у эротической фантазии папы Рональды, цвета черной латуни. Внизу постера, прямо под высокими, до колена, кожаными сапогами девушки была подпись: «Задумайся».

Я показала на постер:

– Не понимаю. О чем?

– Все мужчины любят рассматривать картинки с голыми девками, – ответила Рональда. – Ты бы видала, сколько таких

---

¹³ Джейн Кеннеди – актриса, модель, телеведущая, продюсер, писательница, общественный деятель, филантроп, обладательница титулов конкурсов красоты.

картинок у моего парня, Джерома.

Я кивнула, будто все поняла, но этот постер вызвал у меня внутри ощущение какой-то блуждающей тоски. Интересно, а как Джеймс украшает свое пространство? Он не поддерживал движение «Назад в Африку», так что я знала: он не станет смотреть на голых девушек с пушистым шариком волос. Может, в его эротических фантазиях женщины лежат в соблазнительных позах на капоте лимузина. Может, сидят в салоне машины, уложив грудь на рулевое колесо, а из одежды на них – только фуражка водителя, из-под которой ниспадают тяжелые пряди длинных блестящих волос. И задумалась.

– Хочешь, покажу тебе дом?

Я снова кивнула.

– Это папин кабинет.

Она открыла дверь и завела меня в маленькую комнатку, набитую книгами и увешанную портретами черных мужчин с серьезными лицами. Рональда показала на темнокожего мужчину с высоким лбом.

– Это Кваме Нкрума ¹⁴, в честь которого назвали моего брата.

– А кто он?

– Президент какой-то африканской страны. Папа обожает Африку. Особенно тамошних президентов, – подруга села

---

¹⁴ Фрэнсис Нвиа Кофи Кваме Нкрума – ганский философ, социолог и политолог, первый премьер-министр и первый президент независимой Ганы (*прим. ред.*).

в кожаное рабочее кресло и покрутилась на нем. – Африка, Африка, Африка.

– А мама? Я имею в виду настоящая. Она тоже болеет Африкой?

Один уголок рта Рональды изогнулся вверх. Прежде чем ответить, она причмокнула.

– Мама умерла. Я не хочу о ней говорить.

– Прости, – ответила я, хотя в голосе Рональды не было грусти. Скорее злость из-за того, что поднялась эта тема. – Может, посмотрим еще что-нибудь? – предложила я.

Одноклассница открыла другую дверь. За ней была комнатка размером с кабинет отца, только почти пустая. Здесь стояли книжные шкафы, но книги были только на одной полке. Имелся и письменный стол, но не заваленный бумагами. В углу стоял ленточный вибромассажер. У мамы тоже такой был. Включаешь его, и он растрясает жир с боков.

– Это кабинет мачехи, – пояснила Рональда. – Можем тут сидеть здесь.

– Как ты ее называешь?

– Мачеху?

– Ага.

– Жослин. Она сюда вообще не заходит.

Подруга открыла один из ящиков стола. Там было восемь бутылок коктейля из вина и клубничного сока с газированной водой.

– Моя заначка. Хочешь?

Она подала мне бутылку, я открутила крышку и отдала напиток ей. Рональда протянула другую. Мы выпили коктейли настолько быстро, насколько позволяли пузырьки. На вкус они были сладкие, но в то же время напоминали лекарство. Мы открыли по третьей бутылке и продолжили пить, уже маленькими глоточками, как благовоспитанные леди.

– Как круто, – сказала Рональда.

– Точно.

Мы сидели на деревянном рабочем столе, потому что в кабинете не было даже стула. Запах наших духов спорил с запахом выпивки и тел. Уединенность маленькой комнатки приводила меня в трепет.

Рональда спросила:

– Можно потрогать твои волосы?

Я кивнула. Она мягко погладила пряди, прикрывавшие мои лопатки. Прикосновение было легким, будто она боялась, что может повредить мою шевелюру.

У Рональды волосы наконец-то начали отрастать, уже настолько, что их можно было выпрямить и накрутить на бигуди. Пока что в хвостик собрать не получалось, но, по крайней мере, ее перестали называть лысой.

– У тебя такие красивые волосы, – вздохнула Рональда.

– Они мне достались от мамы. Я ее копия, – мне не хотелось казаться самовлюбленной.

– Я тоже. Мы похожи, как два плевка.

– У тебя есть фотография?

Рональда покачала головой.

– Я ничего с собой не привезла. Я приехала сюда с одним бумажным пакетом, а в нем лишь смена одежды и упаковка тампонов. Но смотришь на мое лицо и видишь мамино. Только я, в отличие от нее, хороший человек.

Я не стала допытываться, правда, хотелось узнать побольше. Маркус мне кое-что рассказывал. Его мама дружила с мачехой Рональды. Та говорила, что в Индиане девочка жила как дикарка. Никакого присмотра. Вообще.

– Расскажи, какая у тебя мама, – попросила подруга.

Я не знала, что ответить. Ее так сложно описать. Сейчас она была на работе: мерила пациентам давление, слушала их сердцебиение. Через пару часов придет домой и будет готовить ужин, в точности как обычные матери. Я чуть не сказала Рональде, что она супергерой, у которого есть тайная ипостась, но это была бы неправда. Тайная личность мамы практически не отличалась от настоящей. Чтобы заметить, когда она перевоплощается, надо быть очень внимательной.

– Ее зовут Гвен.

Я выпила еще коктейля. В районе лба появилось какое-то напряжение, а ниже – приятная пустота.

– Ей нравится Маркус?

– Как ей может нравиться человек, о котором она даже не знает?

Я рассмеялась.

– Моей мачехе Джером не нравится. Говорит, он для меня

слишком взрослый, только потому что военный. Я передам тебе, что она сказала, слово в слово: «Хотя физически ты уже созрела, твоему разуму требуется какое-то время, чтобы догнать тело». Я смотрела так, словно она сбрендилась. А потом у нее хватило наглости сказать, что, когда мачеха выходила замуж за отца, то была девственницей. И главное, сказала с такой улыбочкой.

Я видела подобные. Их можно заметить на лицах девочек, которые рождены стать чьей-то женой. Эта улыбка девственницы сильно раздражает даже на лицах десятиклассниц, а на лицах взрослых и вовсе приводит в бешенство. Один из плюсов моей мамы в том, что она никогда не смотрела на меня свысока.

– А знаешь, какое у нее любимое слово? *«Неприемлемо»*. Такое впечатление, будто единственное приемлемое занятие для меня – это нянчить ее сына.

– А она тебе платит?

– Ага, – сказала Рональда. – Я получаю деньги на карманные расходы. Но иногда не хочется, чтобы мне платили. Было бы здорово быть просто членом семьи. Но в то же время не хочу, чтобы этим пользовались. На следующей неделе она ведет племянниц на мюзикл «Виз». Вчера предложила пойти с ними. Сначала я согласилась, а потом она сказала, что надо купить еще один билет и, возможно, придется сидеть в одиночестве на балконе. Поэтому я ответила, что не хочу идти и вообще мне не нравятся пьесы. Хотя на самом деле

я никогда не была в театре.

Она выглядела такой несчастной, что захотелось прикоснуться к ней, но я не знала, куда лучше положить ладонь. Так что в итоге погладила собственное плечо.

– Если хочешь посмотреть мюзикл, могу сходить с тобой.

– Да дело не в мюзикле, – призналась Рональда. – Я просто хочу, чтобы меня куда-нибудь пригласили.

– Мы иногда ходим с мамой куда-нибудь, – сказала я. – Но это так, ничего особенного.

Рональда посмотрела на меня, словно не верила, что совместный досуг мамы и дочки может быть «не особенным». Будто я заявила, что у меня есть деньги, но такие, на которые ничего нельзя купить.

– Честно, – сказала я.

Рональда снова запустила пальцы в мои волосы.

– А у тебя есть с собой расческа?

Я опустилась на плиточный пол перед Рональдой, между ее коленей, а она сидела на столе и водила расческой по моим волосам. Все важные люди в моей жизни хотели пощупать мои волосы. В первый же день в первом классе наша учительница отвела меня в комнату отдыха и расплела хвостики. Рональда спросила, не больно ли. Я пробормотала, что нет, и уткнулась лицом в ее бедро.

– Скажи мне то, что собиралась, – напомнила она. Щетинки расчески твердо и приятно давили на кожу. Я знала, что, скорее всего, она распрямляет мои кудри, но не просила

остановиться. – Расскажи мне. Расскажи про маму.

Она словно выуживала правду из моей головы.

– Я незаконнорожденная.

– Добро пожаловать в мой клуб, – отозвалась Рональда.

– Нет, – сказала я, – здесь все еще хуже. Я – секрет.

– Ой, – проговорила Рональда. – Ты побочная дочь?

– Ага, – прошептала я.

– Это ничего, – заверила она. – Таких много.

Я шумно выдохнула – и даже не заметила, что задержала на минуту дыхание. Вот что значит настоящий друг: тот, кто знает всю правду о тебе и не винит за это. Я повернулась посмотреть на Рональду, но, если она и поняла, что произошло нечто значимое, на лице это не отразилось.

Я в свою очередь спросила:

– Твой папа был женат на мачехе, когда ты родилась?

Рональда покачала головой.

– Нет. Мама познакомилась с ним, когда оба жили в Индианаполисе. Она забеременела накануне его отъезда в университет Нотр-Дам.

– По крайней мере, он тебя признает. Иногда я думаю, что случилось бы со мной, если бы мама умерла? Интересно, папа взял бы меня к себе?

Рональда перестала меня расчесывать. Пол подо мной был холодный, но сквозь ткань джинсов подруги я чувствовала тепло ее тела. Хотелось выпить еще коктейль, но я не могла попросить, потому что вдруг забыла все слова.

– Не плачь, – утешала Рональда. – У меня тоже есть тайна. На самом деле мама жива. Но я всем говорю, что она умерла. Она жива, просто нерадивая мать.

Подруга произнесла эти два слова очень четко, словно читала из юридического документа.

– Директор школы сообщил о ней в органы опеки. Она оставила меня одну на две недели. Пока ее не было, я сломала ногу из-за того, что пыталась ходить на каблуках, и некому было приехать и забрать из школы. Директор сложил два и два, и не успела я опомниться, как за мной в Индианаполис примчался папа аж из Атланты и забрал жить к себе. Он ехал всю ночь, а тогда был сильный, сильный, сильный снег.

– А куда делась мама?

– Не знаю. Она забрала с собой даже расческу с подогревом. Я спросила, когда она вернется, и мама ответила: «Завтра». Но я знала, что это вранье, потому что вещи младшего брата тоже отправились в сумку.

Она любит этого мальчишку больше всего на свете. До его рождения мать только и делала, что бухала, бухала, бухала! Пила виски, даже когда была беременна мной. Повезло, что у меня нет косоглазия, слабоумия или еще чего. Но когда родился Кори, она влюбилась в него до отупения. Бросила пить, перестала пощечины раздавать. Даже пару раз в воскресенье варила какао. До рождения брата я думала, что мама просто не любит детей. Но когда тот родился и я увидела, как она вокруг него квохчет, то поняла: дело не в том, что

она не любит детей, – просто не любит именно меня.

– Она тебя любит, – возразила я. – Она ведь твоя мама. Мамы всегда любят своих детей.

– Ну, может быть, и любит, – согласилась Рональда. – То есть в холодильнике была еда, а над головой была крыша. Но я никогда ей не нравилась. А младшего брата она прямо обожала, казалось, так бы и съела. Поэтому и прихватила его с собой.

– Это не так, – уверяла я. – Родители любят всех детей одинаково.

– А у тебя есть брат? – спросила Рональда.

Я сказала, что нет.

– Если у тебя есть брат, это хуже всего. Если у мамы появится сынок, она покажет, на какую любовь способна. И как только увидишь, никогда не сможешь привыкнуть. Тебе всю жизнь будет одиноко.

Я не нашлась, что ответить. Не знаю, как отреагировал бы отец на рождение в нашей семье мальчика. Но знала, что он всегда хотел сына. Когда у Лаверн на полтора месяца раньше срока начались роды, Джеймс был у нас. Роли примчался, и отец выбежал из-за стола, не доев кекс. Мама говорит, она встала на колени возле моей кровати и принялась молиться, чтобы ребенок не оказался мальчиком. «Я просила Господа, чтобы он даровал им здоровую девочку. Она не смогла бы полностью завладеть его сердцем».

– У отца есть другой ребенок, тоже дочь, – сказала я. –

От жены.

– И тебе о-го-го как повезло, – прокомментировала Рональда. – Скажи спасибо и молись, чтобы у них не появились еще дети. Иначе на собственном опыте узнаешь, через что пришлось пройти мне.

Я попыталась уверить себя, что она права и мне повезло. Но второстепенный ребенок – всегда второстепенный, независимо от причин.

Вместо этого я сказала:

– Давай еще выпьем.

Рональда вытащила из ящика последние бутылки, так что на нос пришлось по четыре. А вообще надо было остановиться полторы бутылки назад. Это стало понятно в тот момент, когда теплая газированная пена оказалась во рту. На нетвердых ногах мы вернулись из кабинета мачехи в зону отдыха. Рональда перебрала фонотеку отца и решила поставить Ричарда Прайора ¹⁵, просто чтобы послушать, как он ругается.

– Как себя чувствуешь?

Рональда растянулась на ковре перед искусственным камином.

– Тошнит.

– Только не говори никому, ладно? – попросила она. – Все,

---

¹⁵ Ричард Франклин Леннокс Томас Прайор – американский комик, актер и сценарист. Прославился бескомпромиссным подходом к проблеме расизма и других социальных трудностей, а также большим количеством пошлостей и ненормативной лексики в выступлениях (*прим. ред.*).

что касается моей матери, – это тайна.

– И ты про мою.

Если осмелишься

Мама зарабатывала на жизнь тяжелым трудом. В этом никто не виноват. Даже замужним женщинам приходится работать наравне с супругом, чтобы прокормить семью. Когда я была маленькой, она прошла несколько занятий, чтобы выучиться на туристического агента (думала, сможет работать из дома, по телефону), но в середине семидесятых бросила эти пустые мечты, пошла на вечерние курсы в Двухгодичный колледж Атланты и получила лицензию медсестры. По большей части ей везло с расписанием: с семи часов утра до трех часов дня, – но иногда приходилось работать с одиннадцати вечера до семи утра, а по праздникам даже в две смены. Иногда после ночи она приходила домой, когда я завтракала, ставила ноги в тазик с соленой водой и растирала шею там, где остались красные следы от зажавшего кожу стетоскопа.

Работа давала не только медицинскую страховку и покрытие услуг офтальмолога и стоматолога. Она каждый день общалась с врачами, выполняя обязанности, которые были ниже их достоинства, и расспрашивая об их дочерях. На какие занятия ходят, где покупают одежду, куда собираются поступать? Время от времени болтала с женами врачей, выпытывая ответы на более интимные вопросы, например насчет того, как они относятся к контрацепции и половому воспита-

нию в школе (проверяла нашу теорию, что богатые люди начинают давать дочерям оральные противозачаточные с двенадцати лет). Во время перерыва аккуратно записывала полученную информацию в небольшой блокнот, который хранила в шкафчике. В начале восьмидесятых ей посчастливилось в течение полутора месяцев работать с женщиной-врачом, у которой был жених, тоже врач. Та сказала, что своим успехом в жизни обязана колледжу Маунт-Холиок в штате Массачусетс. Мама сильно нажала на карандаш и подчеркнула название штата. В скобках написала: «брат Кеннеди и т. д.». Врач замужем за врачом! Мама сказала, что это «тройной выигрыш», хотя здесь только двое врачей.

Подобная информация стоила того, чтобы иногда поработать сверхурочно. Когда мы с Маркусом начали встречаться, она работала с восемью до четырех в кабинете педиатра, а потом ухаживала за пациентами в платном отделении с половины восьмого до полуночи. Такое расписание сделали на ноябрь, потому что на носу было Рождество. В 18:15, когда она отправлялась на вечернюю смену, свежая, красивая и вся в белом, я обещала, что весь вечер буду делать тренировочные задания для экзамена на выявление академических способностей на новом компьютере «Коммодор», который мама купила «на свои деньги». Мне не нравилось, когда она произносила эту фразу, словно девчонка хвастается, на что потратила деньги, полученные за работу нянкой. Мама имела в виду, что на этот подарок она скопила сама, без всякой по-

мощи со стороны отца, и заплатила трудом, отекающими ногами и негнушимися пальцами. Я не пользовалась компьютером, но оценила ее подарок и заботу. Я не имела ничего против современных технологий или экзамена ЭВАС, просто могла видаться с Маркусом только тогда, когда мама была на работе поздним вечером, с половины восьмого до полуночи.

В один из таких вечеров мы собирались в «Эйкерс Милл» посмотреть киношку с парой его друзей. Я уделила особое внимание причёске и макияжу, потому что знала: он хочет мною похвастаться. Мне нравилось идти с ним под ручку так, чтобы все видели.

Я выглянула из окна спальни, надеясь увидеть двухдверный «Фольксваген Жетта», но вместо этого моему взору предстал «Линкольн» Джеймса, получше, поновее и вблизи выглядевший не черным, а темно-синим. В большом волнении я на цыпочках прокралась в гостиную и сквозь панорамное окно увидела, как Джеймс вышел из пассажирской двери. За рулем был Роли. За всю жизнь я помню всего несколько случаев, когда оказывалась дома наедине с отцом. Если мамы не было, он всегда брал с собой Роли, словно я чужая дочь и нужно четко показать, что все исключительно пристойно.

Они пошли по дорожке к подъезду. Дзинькнул звонок, и я знала, что нажал кнопку Роли, потому что Джеймсу нравилось открывать дверь своим ключом.

– Кто там? – пропела я.

– Это Роли. И Джеймс.

Я отвернула задвижку и сняла цепочку. Обрамленная дверным проемом, эта парочка была похожа на дуэт комиков. Отец был ниже, чем Роли, но выглядел крутым. Шляпа сидела набекрень, как носят в Детройте, так что я поняла, что они пропустили по бокальчику в «Карусели». Они выпили не так много, чтобы ноги заплетались, но достаточно, чтобы слегка расслабиться. У Роли, стоявшего позади, лицо зарумянилось. Стоило ему выпить, и он начинал испытывать любовь ко всем и каждому в радиусе пяти километров. А когда Джеймс закладывал за воротник, лишь сильнее погружался в то настроение, в котором взялся за бутылку. Я не знала, в каком расположении духа отец пришел в «Карусель», так что не могла угадать, что творилось в его голове, когда он покинул бар.

Я стояла на пороге, надеясь, что они заехали всего на минутку, чтобы что-нибудь завезти.

– Привет, – сказала я.

– В чем дело? – рассмеялся Роли. – Ты что, не вступишь нас в дом? Почему ты загораживаешь вход?

Он с легким смешком ткнул отца, но Джеймс не поддерживал веселья.

– Проходите, – я отступила в сторону и пригласила их в надежде, что мой голос звучит так же спокойно, как мамин.

Ей всегда так здорово удавалось создать у них ощущение,

что они особые гости и в то же время старинные друзья. Всякий раз, как отец входил в дверь, она встречала его быстрым поцелуем в губы. А когда проходил Роли, привставала на цыпочки и обнимала его тощую шею. Я же в эти моменты стояла в сторонке, позволяя ей приветствовать гостей. Без мамы я терялась и не могла сообразить, что делать. Без нее я была бесполезна, как ботинок без пары.

– Хотите что-нибудь выпить?

– А что у вас есть? – поинтересовался Джеймс.

Я широко распахнула дверцу холодильника. Мама недавно закупила продукты, и я почувствовала гордость, что у нас полные ящики овощей, две дюжины яиц в держателях, несколько стеклянных бутылок сока.

– У нас есть диетическая кола.

Джеймс поморщился.

– Огуречной воды?

Этот напиток мама приготовила сама. Одна жена врача сказала ей, что огуречную воду подают в спа-салонах.

– Просто воду со льдом, – сказал Роли.

– Подождите в гостиной, – попросила я. – Сейчас принесу.

Джеймс направился в гостиную, а Роли задержался, заглядывая ему поверх плеча.

– Мамы нет дома, – сказала я.

Он кивнул с легким разочарованием и пошел следом за отцом.

И Джеймс, и Роли предпочитали общаться с мамой, а не

со мной, и я их не виню. Они принадлежали ей. Если честно, ей принадлежали все мы.

Летом мы вчетвером устраивали небольшие вечеринки на террасе. Когда отполированная до блеска машина Джеймса стояла возле дома, соседи не жаловались, что музыка слишком громкая. Мама включала погромче стереоконсоль в гостиной, и музыка Гарольда Мелвина и «Блюзовых нот» струилась сквозь пыльную сетчатую дверь, смешиваясь с дымом отцовых сигарет, который отпугивал комаров. Сначала мама пыталась танцевать с Джеймсом, но знала, что отец все равно откажется. Она крутилась вокруг него, покачивала красивыми плечами и встряхивала великолепными волосами, но вскоре Джеймс говорил Роли: «Потанцуй с этой красавицей для меня».

Моей задачей было подкладывать в бокалы лед и делать джин-тоник. С помощью ножа для овощей я срезала с лайма идеальные завитки кожуры, и, когда роняла в папин бокал скрученную цедру, он целовал мои пальцы.

Танцуя с Роли, мама всегда смотрела только на Джеймса. Когда мужчина придерживал ее за талию, она отклонялась назад, и волосы увлекали ее за собой, а потом, рассмеявшись, быстро выпрямлялась. Волосы у нас обеих были одинаково шикарные, но я пока не научилась ими так управлять. Когда музыка заканчивалась, Роли отпускал маму, и руки его безвольно обвисали по швам. Я внимательно следила, ожидая именно этого момента, чтобы подать ледяной бокал в его

опустевшую ладонь.

Мама уходила из зоны танцев – крошечного пяточка между ржавеющими перилами и металлическими уличными стульями и столиком. Она садилась на колени к Джеймсу и обнимала его за шею. Роли обычно опускался на бетонный пол там, где только что танцевал, и опирался спиной на обрешетку, не беспокоясь, что на рубашке останутся ржавые пятна. Я садилась рядом, склонив голову ему на грудь. Мама, отпив большой глоток джин-тоника из отцовского бокала, частенько смотрела на Роли и говорила: «Ты, Роли, с виду, может, и белый, но стоит заиграть музыке, и ты становишься стопроцентно черным американцем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.